

18+

ГАЛА МРОК

ПРАВО
ЗВЕРЯ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Гала Мрок

Право зверя

«Автор»

2026

Мрок Г.

Право зверя / Г. Мрок — «Автор», 2026

Победа или смерть. Других вариантов нет. Раз в год мир нечисти даёт десяти женщинам шанс переписать судьбу. Цена — жизнь. Правила просты: не верь, не расслабляйся, выживи. Я — Ника, оборотень, уставший притворяться человеком. Мне нужна свобода, и ради неё я войду туда, откуда не возвращаются девять из десяти. Я не боюсь проигрыша. Я боюсь, что игра разбудит во мне то, что я так долго держала на цепи... и я полюблю эту тьму.

© Мрок Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Внимание!	5
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	36
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Гала Мрок

Право зверя

Внимание!

Не ищи здесь правды. Мир, имена, клятвы, дороги и чудовища — всё это родилось в голове автора. Любые совпадения с реальностью — случайность, не более.

Я не стану обещать, что эта история будет бережна к тебе. Она родилась в темноте.

Ты найдёшь здесь ругань, страсть, кровь и поступки, за которые в приличном обществе не подадут руки.

В этой книге нет места деликатности.

Автор не романтизирует и не одобряет описанные действия.

Если содержание книги задевает ваши личные границы, пожалуйста, прекратите чтение.

Пролог

Вот уже сорок пять лет каждый год проводятся Игры. Для людей их не существует. О них не пишут в газетах, не говорят по телевидению, не обсуждают в интернете. Если кто-то начинает болтать лишнего, то очень быстро исчезает вместе со своими вопросами — будто его и не было вовсе. Но среди тех, кто скрывается в человеческом мире, об Играх знает каждая. Каждая представительница женского пола. Вампиры, оборотни и другие существа, которым с каждым годом становится всё труднее жить среди людей.

Леса вырубают, болота осушают, старые кладбища застраивают жилищными комплексами. Ночь перестала быть по-настоящему темной. Города опутаны тысячами камер видеонаблюдения.

Современному миру не нужны чудовища, но чудовища никуда не исчезли. Они научились жить среди людей. Улыбаться, работать, прятать клыки. Сдерживать зверя внутри себя, а это порой оказывается страшнее самого голода — ведь голод можно утолить, а вот вечное напряжение, когда каждое движение, каждый взгляд должен быть «как у всех», выжигает изнутри.

Каждый год десять девушек разных национальностей, разных вероисповеданий и разных сущностей добровольно подают заявки на участие в Играх. Каждая мечтает получить право занять место рядом с самым влиятельным существом современного мира — мистером Люцианом Блэквудом. Они грезят об этой путевке в лучшую жизнь, где наконец не нужно скрывать свою темную сторону, где не нужно горбатиться на «людишек», где не нужно постоянно менять место жительства, чтобы никто не начал просить контакты твоего косметолога, потому что ты десятилетиями не стареешь.

Все хотят свободы. Все хотят жить. И только рядом с ним, по слухам, можно получить это. Цена победы неизменна: из десяти участниц выживает только одна.

За сорок пять лет было сорок пять победительниц. Но никто и никогда не видел женщину, которая называла бы себя миссис Блэквуд...

И всё же каждый год находят новые претендентки, готовые рискнуть жизнью ради шанса получить то, что остальные считают несбыточной мечтой.

— Вот, мистер Блэквуд. Список участниц, — широкая рука Ратибора протягивает плотную папку.

— Благодарю, — отвечает спокойный мужской голос.

Люциан Блэквуд неторопливо открывает папку. Первую страницу он пролистывает без интереса, вторую — тоже. На третьей его взгляд останавливается. На лице не дрогнул ни один мускул, лишь едва заметно приподнимается уголок губ — будто он услышал первый аккорд давно забытой мелодии.

— Любопытно... — он ещё раз смотрит на имя, словно пробует его на вкус. — Не ожидал.

— Что-то не так? — ровным басом спрашивает Ратибор.

Люциан закрывает папку, но не кладет ее на стол. Держит в пальцах, словно взвешивает не бумаги, а судьбы. Подходит к окну, за которым темнеет древний лес — такой густой, что даже свет полной луны не может пробиться сквозь кроны.

— Наоборот, — произносит он тихо, почти себе под нос. — Кажется, впервые за сорок пять лет эти Игры действительно смогут меня удивить.

Глава 1

Смываю с себя ароматный гель для душа, а вместе с ним — и въедливый запах скотобойни, который въелся в кожу, пропитал волосы, застрял в легких.

Я выбрала для себя подходящее место работы. Что делать оборотню, которому на физическом и инстинктивном уровне нужно убивать? Правильно — искать альтернативу. И я её нашла.

Конечно, поначалу мужской коллектив скептически смотрел на двадцатипятилетнюю девушку, не особо отличавшуюся развитой физической формой. В их взглядах читалось: «Да что она тут сможет?» — в этих цехах, где воздух густ от холода, страха и крови, где каждое движение должно быть точным, где нет места жалости, а рука должна быть — твёрдой. Но стоило им увидеть, с каким азартом и профессионализмом я справляюсь со своей задачей, как насмешливые ухмылки начали гаснуть. Теперь они проявляют ко мне уважение и лишний раз не твякают под руку.

Начальство довольно моей выработкой — план я перекрываю стабильно. Ежемесячно меня стимулируют денежной премией и свежим мясом. Последнее для меня — не просто бонус, а нечто большее: это жизненно необходимо.

Оборачиваю полотенце вокруг груди и шлепаю босыми ногами по холодному линолеуму. Иду на кухню. Сажусь за маленький кухонный стол, на котором меня, как всегда, встречает белая тарелка со свежим куском телятины.

Челюсти сводит от голода — резкая, почти болезненная тяга, когда каждый нерв в теле кричит: «Ешь». Желудок требует скорее его накормить, а зверь внутри утробно рычит, нетерпеливо скребётся под рёбрами, требуя насытить его кровью, вернуть хоть каплю той первобытной силы, которую днем приходится прятать за маской обыденности.

Отрезаю кусок. Сукровица сочится из розовых волокон. Закидываю в рот сочный кусок.

— М-м-м, это даже лучше, чем секс, — прикрываю глаза от удовольствия, позволяя себе эту короткую секунду чистого, животного наслаждения. — Хотя нет, одно другому не мешает, — добавляю с лёгкой усмешкой.

Беру бутылку с кровью, которая свернулась и превратилась в густое желе. Выдавливая содержимое в рот, смакую металлический, чуть пряный вкус, проглатываю и откидываюсь на спинку стула. На мгновение мир замирает: голод приглушен, зверь удовлетворенно урчит где-то в глубине.

Резкий звонок в дверь нарушает идиллию. Бьёт по нервам, возвращая в реальность.

— Кого там хрен принес на ночь глядя, — ворчу, поднимаясь и направляясь к двери. В груди шевелится раздражение.

С максимально недовольным лицом открываю дверь. Передо мной — довольно улыбающийся Глеб. Русые волосы, влажные от дождя, прилипли ко лбу, с них стекают мелкие капли. Карие глаза смотрят влюбленно, чуть восторженно, будто он каждый раз заново удивляется тому, что я вообще ему открываю.

— Привет, — делает шаг через порог, не дожидаясь приглашения.

— Виделись уже, — отступаю назад, пропуская его. — Соскучился?

— Нет...

Вздёргиваю бровь, недовольная его ответом. Обычно он без остановки сверлит мне мозг своим «я соскучился».

— То есть, конечно, соскучился! — Глеб тут же начинает оправдываться, ладонью убирает волосы со лба, размазывая по коже капли дождя. — Вот, держи. Возле почтовых ящиков встретил миссис... миссис... да как же её... Короче, она просила передать тебе письмо. Ей неохота было подниматься...

Дальше я уже не слушаю его разглагольствования. Слова сливаются в фоновый шум, не имеющий значения.

— Давай сюда, — хватаю конверт и торопливо разрываю его, чувствуя, как от волнения внутри все сжимается в тугий узел.

— Ну... я пойду, — Глеб берётся за ручку двери.

— Подожди! — рявкаю, не глядя на него.

Он послушно замирает. Мне кажется, даже перестает дышать.

Расправляю плотную бумагу, которая пахнет древесной смолой и чем-то ещё — старым, сухим, будто ее хранили в сундуке среди древних книг. Буквы, идеально выведенные каллиграфическим почерком, ложатся на лист чёрными строками:

«Поздравляем! Вам выпала честь принять участие в Игре и побороться за право стать мисс Блэквуд! Завтра в 00:30 за вами приедет автобус. Не опоздайте. Игра уже началась. Опоздание равно выбыванию, а выбыть из Игры можно, лишь выиграв либо умерев. Удача на стороне сильных и безжалостных».

Коротко и по делу — всё, как я люблю. Радость огнём растекается в груди, обжигая изнутри, выжигая осточертевшую серость будней. Наконец мне выпал шанс вылезти из этой никчемной жизни, стряхнуть с себя эту вечную маску «нормальной», за которой пряталась столько лет. Побороться за право выпустить на волю свою сущность, дать ей вздохнуть полной грудью.

Хочу ощутить вкус свободы, вкус настоящей, необузданной жизни.

Я устала чувствовать себя псом на цепи. Я не пес — я оборотень! Древнее существо, рожденное не для того, чтобы прятаться по углам, а чтобы бежать сквозь лес, чувствовать, как ветер шевелит шерсть, слышать, как земля отзывается под лапами. Я должна жить совсем по-другому.

Кладу письмо на комод. Не спускаю глаз с Глеба: он заметно напрягся, плечи поднялись.

Либи́до оборотней очень высоко — иногда это выматывает до дрожи, но проще удовлетворить сексуальную потребность, чем бороться с ней. Секс снимает напряжение, которое копится, из-за отсутствия нормальной охоты. Убийство животных не даёт нужной разрядки, не гасит этот внутренний пожар — оно лишь на мгновение заглушает голод, но не утоляет его. Бурная интимная жизнь хоть немного успокаивает дикий нрав, притупляет инстинкты, не даёт им прорваться наружу в самый неподходящий момент.

Закусываю губу, скидываю полотенце, беру Глеба за руку.

— Ника... я не могу... Мама будет через пять минут, мне нужно быть дома к этому времени.

— Сыночка-корзиночка, — расстегиваю молнию на его джинсах. — Ты больше трёх минут не можешь продержаться, так что успеешь к мамкиному приходу.

— Вот сейчас было обидно, — хрипло проговаривает он, спуская штаны. — Но ты ведь успевала кончить за эти минуты? — он сглатывает и добавляет: — Или симулировала?

Беру с полки презерватив, перевожу взгляд на почерневшие от желания глаза Глеба.

— Если б ты меня не удовлетворял, ноги бы твоей рядом со мной не было, — не спеша отвечаю и вскрываю зубами упаковку.

Он вздыхает, будто сдаётся без боя.

Хоть Глеб в свои тридцать лет живёт с мамой и находится под её влиянием, меня это не останавливает. Мне от него нужен лишь секс. В нём он хорош. Очень хорош. Готов прийти на помощь в любое время дня и ночи, иногда по несколько раз подряд. А больше мне от него ничего и не нужно. Уж не знаю, что он там напридумывал, периодически признается мне в своих чувствах. Но это уже его проблемы. Я изначально ему обозначила свою бесчувственную, похотливую натуру.

Член Глеба встречает меня в полной боевой готовности. Натягиваю на него резиновое изделие. Хозяин этого внушительного агрегата начинает целовать мою шею, руки блуждают по моему разгоряченному телу. Движения становятся привычными, почти механическими. Тело занято, инстинкты приглушены. А мысли... мысли снова и снова возвращаются к письму, лежащему на комод. К словам, которые жгут сильнее любого прикосновения: «Игра уже началась».

Никакой романтики. Просто способ удержать себя на краю. Мне от него нужен только этот короткий разряд, чтобы не сорваться в охоту, не выпустить зверя раньше времени.

Глеб что-то шепчет, но я не слушаю. В голове только одно: завтра в двенадцать тридцать. Автобус. Свобода. Настоящая жизнь.

Разворачиваюсь к нему спиной, прогибаю спину. Глеб, как по команде, входит в меня — без прелюдий. Я выдрессировала его: он знает, что и когда со мной нужно делать.

Цепкие пальцы впиваются в бедра, фрикции быстрые, жёсткие — он входит на всю длину, заполняя меня полностью. Наслаждение, граничащее с болью, накрывает с головой. Упираюсь ладонями в шершавую стену, сильнее наклоняюсь вперёд. Стоны вперемешку с короткими рычащими звуками слетают с моих губ.

— Жёстче, — рычу, чувствуя приближение оргазма.

— Да, моя госпожа, — усмехается Глеб, подчиняясь приказу.

Отпускаю назойливые мысли о предстоящих испытаниях, отдаюсь волне, накатывающей в промежности. Глеб работает как отбойный молоток. Влажные звуки секса подтверждают его мастерство как любовника.

— Не вздумай кончить раньше меня, — сквозь стон выдыхаю, — иначе голову откушу...

Он не парирует, а вместо этого сосредоточенно пыхтит, явно сдерживая себя, представляет в воображении каких-нибудь сморщенных бабулек. Нужно отдать ему должное: столь тонко чувствовать грань между оттягиванием эякуляции и поддержанием эрекции — это достойно уважения.

Глеб с силой, до боли, сжимает мои ягодицы, делает несколько отчаянных движений бедрами, доводя меня до кульминации. Оргазм сжимает горло, не даёт даже дышать, а потом срывает крик, и вместе с ним из груди будто выходит часть скопившегося напряжения.

Тело бьёт мелкая дрожь, колени подгибаются, и только его руки не дают упасть. Перед глазами плывут цветные разводы, в ушах стоит тонкий писк, а по мышцам разливается сладкая, тягучая нега.

Я прислоняюсь к стене, убираю с лица мокрые волосы и чувствую, как вместе с дыханием понемногу возвращается холод рассудка. В голове снова щёлкает: письмо. Автобус. Игры. Всё это никуда не делось.

Глеб, тяжело дыша, снимает презерватив. Игривая улыбка у него на лице выглядит как маска, которую он надевает, чтобы скрыть неловкость.

— Вы довольны, госпожа?

— Угу, — отталкиваюсь от стены и иду к ванной, стараясь не смотреть ему в глаза. В этом избегании взгляда — моя защита: если я увижу в них хоть каплю надежды на что-то большее, мне придётся быть жёстче, чем хочется. — Раб мой, отпускаю тебя. Я в душ. Дверь за собой прикрой и выброси резинку в жбан на улице.

— Никакой нежности, — он ухмыляется, но в этом я вижу попытку спрятать обиду.

— Пф... Я тебя предупреждала, — коротко бросаю, поворачивая вентиль.

Глава 2

Не в силах успокоиться — нашла применения бушующей энергии, я привела свое жилище в порядок — протерла пыль там, где её и не было, расставила чашки ровно по линии, будто от этой идеальной симметрии зависела моя способность держать себя в руках. Гоню от себя мысли, что, возможно, больше никогда сюда не вернусь. Не имею права думать об этом.

В моих планах — клыками выгрызть победу, чего бы мне это ни стоило. Я никогда не сдавалась: в какие бы позы жизнь меня ни гнула, я всегда находила выход из положения — и сейчас найду. Обязательно найду.

Наспех натягиваю черный спортивный костюм. В рюкзак закидываю нижнее бельё, документы, письмо. Прикинув в голове, решаю не брать сменную одежду: думаю, нам выдадут какую-нибудь спецовку. Лишний груз ни к чему.

Подхожу к зеркалу, завязываю высокий хвост из густых волос цвета вороньего пера. На меня смотрят горящие глаза: один — цвета неба, другой — цвета сочной травы. Природа не могла определиться, каким цветом глаз меня наградить, и решила: пусть будет гетерохромия.

— Хороша, чертовка, — вздыхаю и улыбаюсь своему отражению.

Я знаю, на что способна. И сейчас, самое время, это доказать.

Закидываю рюкзак на плечо. Выключаю свет, выхожу, замыкаю дверь ключом — и уже слышу, что Глеб стоит на лестничном пролёте. Не хотелось мне долгих прощаний, но есть и плюс: отдам ему ключи — пусть приглядывает за квартирой.

Спускаюсь вниз, и табачный дым бьет в нос, заставляя поморщиться. В этом запахе — что-то до боли привычное, как и сам Глеб, застывший у перил с сигаретой в пальцах.

— Ты куда? — Глеб, нахмурившись, делает глубокую затяжку. Красный огонёк становится ярче, слегка потрескивает.

— Только давай без концертов, —ставляю ладонь перед собой, пресекая любые попытки затянуть разговор. — Ты знаешь, что я ждала этого письма, как пришествия боженьки.

— Это было оно?

— Ага. В общем, я уезжаю. Присмотри за квартирой, пока меня не будет, — протягиваю ему ключи. — Можешь пожить в ней, если хочется почувствовать, каково это — без маминой юбки, — подмигиваю и добавляю с нарочитой легкостью: — Баб водить разрешаю.

— Ника, — он качает головой, прячет ключи в карман. — Зачем тебе это? Нормально ведь живём... Я... я хотел предложение тебе сделать, семью бы создали...

— О, ну начинается, — перебиваю, похлопываю его по плечу. — Сотню раз говорила, что я не гожусь для этого. Глеб, тебе нужна нежная, добрая девушка, но никак не я. Зачем мне туда? Всего рассказать не могу, увы. Но для меня это жизненно необходимо.

Он несколько секунд сверлит меня расстроенным взглядом, закусив губу. Тишина затягивается, становится тяжёлой, давит на плечи, и мне от этого некомфортно — будто я не просто ухожу, а ломаю что-то, что он так старательно строил.

Дарю ему легкий поцелуй. И шепчу:

— Мне было хорошо с тобой. Надеюсь, ещё увидимся.

Глеб хочет обнять меня, но я выкручиваюсь, ловко ускользаю из полураскрытых рук, отхожу к лестнице и, улыбаясь, говорю:

— Не прощаемся, — небрежно взмахиваю рукой и несусь вниз по ступенькам, чувствуя, как с каждым шагом тяжесть этого разговора растворяется в табачном дыму и тишине подъезда.

— Ника, я буду ждать тебя! — эхом разносится голос Глеба, догоняет меня сквозь грохот собственных шагов.

— Спасибо, Глеб! На работе скажи, что я заболела! — выкрикиваю в ответ, не оборачиваясь, и вынырываю из подъезда на улицу.

Душно. Даже ночь не принесла этому летнему дню прохлады — воздух висит неподвижной тяжелой пеленой.

Во дворе тихо, как в склепе. Только соловьи заливаются в роще неподалёку. Даже местные забулдыги, каждую ночь посасывающие пиво на лавках, куда-то подевались — будто почуяли: над этим местом нависло что-то темнее, чем просто ночь.

Смотрю на часы: 00:28. Сердце всё же начинает выдавать волнение — неровные, упрямые удары, которые пробиваются сквозь привычную броню самоконтроля. Организм годами учился держать эмоции в узде, гасить любой всплеск ещё до того, как он успеет оформиться в чувство. Но сейчас эта выученная сдержанность трещит по швам.

Я как ребёнок перед праздником — в ожидании желанного подарка. Только у этого праздника подарок неординарный.

Какой нормальный организм будет радоваться такому подарку? Смерть в подарок. Вот же счастье-то.

Но я ведь ненормальная. В этом и сила, и проклятие. Мне радостно и волнительно — и от этого странного предвкушения по коже бегут мурашки, а внутри разгорается огонь, который не погасить ни водой, ни разумом.

Волк внутри хочет адреналина, хочет рвать, бежать, побеждать. И кто я такая, чтобы лишать его этого? Он столько лет сидел на цепи, глотал собственную ярость, притворялся смиренным зверем. Хватит.

Пусть Игры будут тем самым поводом выпустить его на волю. Пусть эта ночь станет последней, когда я ещё хоть немного пытаюсь казаться обычной. Завтра я перестану прятаться. Завтра я стану собой.

Из-за поворота меня слепят фары. Щурюсь, переступаю с ноги на ногу.

В паре метров от меня останавливается чёрный тонированный автобус. Натёртый до блеска кузов отражает свет дворовых фонарей. Двери с шипением распахиваются.

Проглатываю тревожный ком, делаю шаг вперёд и замираю.

Из салона выходит верзила ростом метра два. Широкие плечи перегораживают весь проём. Длинная густая чёрная борода с седыми прядями, такая же тёмная растительность на голове затянута в тугой хвост на затылке. На вид ему около пятидесяти.

Льняной костюм оливкового цвета шевелится от порыва ветра. Втягиваю носом воздух — и на рецепторы садится запах дерева и смолы, густой, терпкий, с хорошо уловимой лесной нотой. Судя по аромату, он точно не человек.

— Доброй ночи, — решаю проявить вежливость.

— Доброй, — глубокий бас вибрирует в ночной тишине, прокатывается по двору, как раскат далёкого грома.

Мужчина вплотную подходит ко мне. Приходится задрать голову вверх, чтобы заглянуть ему в лицо. Глаза полностью черные, без белков, изучают меня спокойно, неторопливо, словно он считывает не только черты, но и все мои скрытые мысли, желания, слабости.

— Ника, меня зовут Ратибор. Я хранитель Игры, церемониймейстер, а по-простому — ведущий данного мероприятия, — он говорит абсолютно без эмоций, ровно, словно зачитывает строчку из скучного регламента.

— Рада знакомству, — всё так же задрав голову, отвечаю ему.

Зверь внутри встрепенулся, потянулся вперед. Ему хочется потягаться с таким противником. Интересно, что за сущность этот Ратибор? Ведьмак? Древний дух леса?

— Я надену тебе повязку на глаза, — он спокойно достаёт чёрную ткань из кармана. — Это нужно для соблюдения формальности, и чтобы избежать лишних склоков при перевозке участниц.

— Там уже кто-то есть? — выглядываю из-за его спины, всматриваюсь в темноту автобуса, но даже моё острое зрение не может ничего рассмотреть: там сплошная, непроглядная тьма, будто салон окутан мороком.

— Конечно, — Ратибор неспешно завязывает повязку на моей голове, его движения размеренны и ритуальны. — Вы должны вести себя тихо и молча. Я не люблю лишнюю болтовню. Меня это выматывает и раздражает. Накажу, если ослушаетесь.

Ухмыляюсь, так, чтобы он увидел. Кто кого накажет, обратись я в свою вторую ипостась...

— Принято, — киваю в темноту повязки.

— Ну и чудненько, — он берёт меня за плечо и направляет к автобусу. — Тут ступени.

Нашупываю кроссовком твёрдую поверхность и вхожу. В нос бьёт kaleidoscope запахов — болота, крови, земли, дыма, пота и еще кучи разнообразной вони, от которой желудок сворачивается в узел и норовит вытолкнуть ужин наружу.

— Вашу мать! Девчонки, вы хоть бы помылись. Дышать невозможно! — морщусь, изо всех сил сдерживая тошноту, и тут же получаю ошутимый тычок в спину.

— Псиной прёт аж в конец автобуса, — доносится надменный женский голос, холодный и острый, как лезвие.

— Сосалке слово не давали, — улыбаюсь, чувствуя тонкий, сладковато-металлический вампирский запах.

— Разговоры! — Ратибор с силой нажимает мне на плечо, заставляя сесть.

Сжимаю челюсти так, что зубы скрипят. Сдерживаю гнев, а тело уже отвечает само: кости начинают хрустеть, кожа натягивается, мышцы перестраиваются в попытке обратиться. Зверь рвётся наружу, требуя выпустить его, дать ему разорвать эту наглость, эту несправедливость, это неуважение.

— Тише, тише... — шепчу себе, вцепляясь пальцами в сиденье, будто оно может удержать меня в человеческой форме.

— Пёсик, пёсик, ко мне! — ехидно зовёт противный голос, растягивая слова, играя ими, как кошка играет с полумертвой мышью.

Не могу разобрать, кому он принадлежит: ярость застилает все органы чувств, запахи сливаются в одну ядовитую кашу, слух в толще гнева становится глухим.

— Ещё слово, и я выпотрошу тебя...

Договорить не успеваю. Удар по моему креслу вибрирует в спину, отдаётся в позвоночник, в зубы, в каждую косточку.

— Хватит! Адово племя! Спать! — орет Ратибор.

Это последнее, что я слышу, прежде чем сознание отключается, проваливаясь в черную, беззвучную яму.

Глава 3

Не знаю, сколько занял наш путь, но выспаться я успела. Чувствую бодрость и готовность к борьбе. Тело не просто отдохнуло, а откалибровалось, натянулось, как тетива.

Держусь за поручень возле выхода. Автобус заглушает двигатель и, шипя, открывает двери.

— Выстраивайтесь в шеренгу! — приказывает Ратибор с улицы. — Для недалеких: шеренга — это плечом к плечу и лицом в одну сторону!

Закатываю глаза в темноте под тканью. Хочется огрызнуться, но я прикусываю язык: сейчас не время показывать характер.

— Мы девушки, а не умственно отсталые, — раздаётся голос позади меня.

— Девушки... — саркастично басит Ратибор. — Не толпитесь в проходе. Услышите своё имя — тогда выходите.

— Как всё сложно, — раздраженно выдыхаю я.

— И ведите себя прилично. Господин Блэквуд смотрит на вас, — бубнит Ратибор.

— Блэ-э-кву-уд, — растягивает буквы приятный женский голос, в нём слышится игривость. — Даже фамилия звучит сексуально.

— Ой, заткнись, шмонька озабоченная, — хихикая, тараторит другая. — Только и думаешь, кто б прочистил твои трубы.

— Природа у меня такая, — кокетливо отвечает обладательница приятного голоса.

Я уже вся в нетерпении, хочется поскорее посмотреть на нашу компанию, оценить соперниц, понять, кто здесь просто шум, а кто — реальная угроза. И Ратибор словно чувствует моё напряжение.

— Начнём. Открывает шеренгу Ника. Ника у нас оборотень, — объявляет он ровно.

Сердце пропускает один удар, затем переходит на ускоренный ритм. Повязка с глаз слетает. Ратибор стоит перед автобусом, позади него — сплошная темнота ночи.

Спрыгиваю на землю под сопровождение лающих соперниц:

— Гав! Гав! Гав! — синхронно гавкают мне вслед, и в этой насмешке столько детской, наивной игры, что она даже не задевает.

— Шавки, — пожимаю плечом, глядя прямо в чёрные глаза Ратибора. — Что с них взять... Они не в курсе, что оборотни не лают.

— Невежи, — коротко кивает он.

Останавливаюсь в метре за его широкой спиной, делаю глубокий вдох. Воздух здесь такой чистый, такой густой и ароматный, что его хочется есть ложкой. В нём смешались запах цветов, хвоя, древесины, но над всем этим преобладает сырой речной дух — тяжелый, прохладный.

Смотрю вправо: луна отражается от водной глади, подсвечивает камыши и песчаный берег. Всё вокруг кажется одновременно прекрасным и опасным — как идеальная ловушка, замаскированная под рай.

— Следующая у нас Лисунэ, хитрая лисица-оборотень, — глухой смешок вылетает из-под густых усов Ратибора.

Повязка с глаз девушки резко слетает сама, будто сорванная невидимой рукой. Везде задействована магия; не удивлюсь, если и автобус вёз нас без помощи водителя, просто плыл сквозь ночь по чьей-то воле.

Рыжая копна волос пружинит небрежными прядями, когда Лисунэ спускается по ступенькам. Девушка небольшого роста, мелко-костная, худая, но видно, что очень юркая. Она растягивает хитрющую улыбку, жёлтые глаза сверкают, как у зверя, заметившего лазейку, а пальцы с оранжевыми ногтями машут Ратибору:

— Ничего я не хитрая, — подмигивает ему и вприпрыжку идет ко мне.

С этой мадам нужно держать ухо востро. Не заметишь, как вонзится нож в грудь — и при этом будет мило улыбаться, будто просто хотела поправить тебе воротник.

— Мы с тобой почти сёстры, — протягивает мне руку для приветствия.

— Пф... смешно. Лиса волку не товарищ, — всё же пожимаю горячую ладонь, чувствуя, как её пальцы на долю секунды сжимаются чуть крепче — проверка, проба на прочность.

— Подружмся, — отмахивается Лисунэ и становится рядом, чуть наклонив голову.

Ратибор смотрит на нас, не моргая, его чёрные глаза скользят по строю, как лезвие по бумаге.

— Дальше, — голос его звучит без эмоций.

А я стою и думаю: если Лисунэ — хитрость и юркость, то я — грубая сила, инстинкт и расчет. Здесь дружба — это просто способ держать врага поближе.

— Лилит, суккуб, — продолжает Ратибор, и голос его звучит так, будто он называет не имя, а диагноз.

— Уф, — непроизвольно выдыхаю, видя следующую конкурентку.

Шикарная, фигуристая брюнетка с грацией кошки спускается из автобуса — каждое движение отточено, будто она не идет, а танцует. Короткие шорты едва прикрывают округлые ягодицы, топ практически трещит на пышной груди, тонкую талию украшают татуировки в виде разрядов молний — чёрные, резкие, словно выжженные на коже. Сквозь блестящие волосы проглядывают небольшие рога, а на спине — еще совсем слабые, полупрозрачные кожаные крылья. Лилит решила явиться в своей почти реальной ипостаси.

К счастью, она еще совсем молодой суккуб. Справиться с ней будет проще, чем с матёрым, напитанным энергией демоном, который одним взглядом может выжечь волю. Мне довелось иметь роман с инкубом — и, что греха таить, это был лучший любовник, которого я знала. Но пришлось разорвать нашу порочную связь: оборотень и инкуб в таких отношениях только вредят друг другу, высасывают жизненную энергию один у другого, пока не останутся пустыми оболочками. Зато есть что вспомнить...

Лилит накручивает на палец с красным ногтем бороду Ратибора, облизывает пухлые губы и томно смотрит на него снизу вверх, растягивая уголки рта в улыбке, от которой у обычного мужчины подскочило бы давление и хрен стоял колом.

— А ты везде такой большой? — мурлычет она, окидывая его похотливым взглядом. — Не откажи даме проверить все твои достоинства.

Изящная рука лихо выгибается в противоположную сторону — и суккуб вынуждена согнуться в том же направлении. Невидимая сила подчиняет её тело. Лицо искажает боль, улыбка сползает, обнажая на мгновение растерянность.

— Шалашовские чары на меня не действуют, — рычит Ратибор и сплевывает на землю.

Лилит выпрямляется, потирает запястье и бросает на него злой, колющий взгляд, но тут же снова надевает маску игривости, встряхивает волосами, словно сбрасывая с себя неудачу.

Я стою, не шевелясь, и отмечаю каждую деталь: как она прячет обиду за кокетством, как её крылья чуть подрагивают, выдавая напряжение. Молодая, да. Горячая, да. Но пока не умеет скрывать свои эмоции.

Уголок моих губ дергается в намеке на усмешку. Пусть играет в свои игры.

— Импотент, — говорит одними губами суккуб.

— Я всё слышу! — гремит Ратибор, не оборачиваясь.

Лилит встаёт рядом с Лисунэ, бросает на нас косой взгляд, будто мы две кучи навоза, а затем снова обращается к нашему верзиле:

— Ратибор, а ты кем являешься? Такой сильный, властный...

— Древний лесной дух, леший по совместительству, — на удивление спокойно отвечает он.

Теперь понятно, почему вокруг нет охраны. Вернее, она есть — просто мы её не видим. Стоит лешему приказать, и нам придётся несладко: лес прячет множество существ, которые беспрекословно подчинятся его воле.

— Софья... человек, — задумчиво зовёт следующую участницу Ратибор.

— Человек? — мои брови взлетают до небес. — Какого лешего? Ой... простите... Какого хрена тут делает человек?!

— Откуда человек знает про Игры? — пищит Лисунэ, поджимая плечи, будто от одного присутствия человека здесь становится холоднее.

— Отлично, еще один слабый соперник, — медленно потирает ладони Лилит.

Хрупкая девушка, подрагивая, спускается по ступенькам. Поправляет очки, пальцы дрожат, цепляясь за оправу. Мелированные волосы завязаны в тонкий крысиный хвостик, торчат в стороны сухими прядями, как будто она собирала их в спешке, на ощупь.

— Зд... здравствуйте, — дрожа, шепчет она.

— Люди, которые оказались здесь, — Ратибор оборачивается к нам, — это те, кто хотел забрать у себя жизнь. А так как Люциан Блэквуд великодушен, он всегда берёт в игру таких глупцов. Чтобы снять грех с их душ. Чтобы они умерли не от своих рук.

— И поставить себе плюстик к карме, — добавляю я, следя, как Софья идёт к нам на негнувшихся ногах.

— Не без этого, — Ратибор ведёт огромным плечом. — Всё же мы своего рода нечисть, а не святые добродетели. Выгода должна быть везде.

— Зато честно, — улыбаюсь ему.

Я ценю прямоту. Даже если она жестока.

Софья останавливается около Лилит, смотрит в землю, не моргая. Запах страха оседает на моём языке. Волк внутри напрягается, довольно скалится от желания поохотиться на дичь, дрожащую от ужаса. Но приходится его уговорить: время для развлечений пока не пришло. Жаль.

— Марта, водяная, на выход, — леший зовёт следующую участницу.

Грузная дама с синеватым оттенком кожи приветственно улыбается — и, несмотря на лишний вес, лицо у неё симпатичное, не отталкивающее. Стрижка каре, ободок с ракушками удерживает непослушные пряди. Одета в просторный спортивный костюм болотного цвета.

— Ну и рожа... — высокомерно гримасничает Лилит.

— Рот закрой, мудями воняет, — мило улыбаясь, отвечает Марта, вставая рядом с Софьей.

— Лучше мудями, чем жабами, — Лилит закатывает глаза.

— Бу! — Марта пугает Софью, та отшатывается назад и падает на задницу, прямо в мелкую лужу.

Лисунэ смеётся, как гиена. Я улыбаюсь, Лилит тоже фыркает, Марта, довольная собой, поправляет ободок и тяжело выдыхает, будто только что выполнила важную миссию.

Естественно, девушке, сидящей в луже, никто помогать не собирается. Не в том она месте и не с теми оказалась. А нечего было ерундой страдать, жила бы свою человеческую жизнь и жила. Нет же, вздумалось ей стать «самоубивкой». Вот теперь пусть пожинает плоды.

Софья сидит, моргает, словно не понимает, как она вообще здесь очутилась.

— А люди сами подают сюда заявку? — любопытство не даёт мне покоя. Как же челочки сюда попадают?

— Эта партия самая раздражающая, — Ратибор проводит ладонью по волосам. — Нет, конечно! Нам доносят об этих индивидуумах, и мистер Блэквуд дает распоряжение, кого берём. Приезжаем. Забираем. Никто из них ничего до этого не знает. Сюрприз, так сказать.

— А как мистер Блэквуд выбирает... — продолжаю я, но Ратибор взрывается:

— Хватит! Заткнулись все! Давайте уже закончим с этой чёртовой выгрузкой! — орёт он, лицо багровеет, а воздух вокруг становится наэлектризованным.

— Я ж говорю, импотент. Злой, раздражительный, одинокий, со спермотоксикозом, — нарочито научным тоном комментирует Лилит, растягивая слова.

Я прыскаю смехом в кулак. Лисунэ толкает меня в плечо и тихо хихикает.

Леший сдерживается. Пока сдерживается. Но я чувствую, как в нём копится гнев. Ещё одна шутка, ещё одно слово не к месту — и он обрушит на нас весь лес.

— Дарина, медиум, на выход! — рявкает он.

Бледная девушка в чёрном балахоне молча проходит мимо него. Под глазами чёрные круги, кожа почти прозрачная. Она смотрит вперёд, но не видит ни нас, ни Ратибора, ни берега. Её взгляд ушёл за пределы этого мира. Видно, что она сегодня «не от мира сего».

Становится рядом с Мартой и так же, не моргая, пялится в никуда.

Марта косится на неё, потом на меня, чуть приподнимает брови, как будто хочет сказать: «Ну и компания...» — но только шумно выдыхает и цокает языком.

— Селена, кикимора, на выход!

Небольшого роста девушка с толстой косой волос, выкрашенных в зеленый цвет, молча идет к нам, надменно вздернув подбородок. Её орлиный профиль режет воздух, как острый парус. Она встаёт, не глядя ни на кого, будто мы все ниже её достоинства.

— Агата, ведьма, на выход! — Ратибор явно торопится закончить наше знакомство.

Девушка неспешной поступью спускается из автобуса. Красный спортивный костюм подчеркивает аристократическую бледность кожи, русые волосы собраны в строгий хвост. Агата кивает в приветствии лешему — коротко, уважительно, без подобострастия — и так же неторопливо вклинивается в шеренгу.

— Инга, вампир, на выход!

Высокая кровососка сразу бросает на меня взгляд, полный презрения — холодный, тяжёлый, как кусок льда, брошенный в лицо. Я улыбаясь крещу воздух — и Инга моментально скрючивается и шипит, как уличная кошка, которую окатили водой.

— Ой, прости, я забыла, что среди нас упырь, — складываю руки в молебном жесте.

— Псина сутулая, — скалится Инга, обходя меня по дуге.

— Отставить провокации! — рокошет Ратибор, и от этого рыка даже камыши у берега вздрагивают.

— Ещё одна сосунья... — тихо шепчет Марта, ухмыляясь, и тут же показывает молнию на губах, скрещивает руки на груди — мол, всё, я молчу, не трогай меня.

— Разговорчики! — леший сжимает кулаки.

Марта кивает, будто говорит: «Поняла, поняла», но в ее глазах мелькает озорство.

— И наконец, последняя участница: Карина, человек.

Открываю рот, чтобы вновь возмутиться, но вовремя себя останавливаю. Лилит права: слабые соперники — это плюс, и нечего этому противиться. Пусть будут на расход.

Карина — физически развитая девушка: в каждом её движении чувствуется выучка, привычка к дисциплине. Короткая стрижка, симпатичное лицо, которое портит шрам во всю щеку. Уверенной походкой она становится в строй, занимает своё место так, будто это не шеренга перед смертью, а строй на плацу — и она точно знает, что делать, если начнется бой.

Я кошусь на нее, оцениваю стойку, взгляд, то, как она держит плечи — ровно, без напряжения. Она не из тех, кто падает от первого удара.

Ратибор обводит нас всех бездонным взглядом.

— Перерыв — две минуты. И начнём первое испытание. Готовьтесь.

— Сегодня? — Селена выпучивает глаза так, что кажется, ещё чуть-чуть — и они выскользнут из орбит.

— Нет, после пришествия святого Никитки, — рявкает Ратибор, хмурится так, что густые брови сходятся в одну грозную линию, и отворачивается, оставляя нас одних.

Он отходит на несколько шагов, встаёт у кромки воды, где песок сливается с тенью, и замирает. Лесной дух становится частью пейзажа: ещё один тёмный силуэт среди камышей и коряг. Только по тяжелому, ровному дыханию видно, что он здесь.

Время истекает.

Глава 4

Стоим на помосте, прожекторы освещают реку, глубоко прорезая толщу воды. Светает: солнце ещё не встаёт, но небо постепенно приобретает сероватый оттенок.

Назойливые комары облепляют лицо, безжалостно втыкая в кожу свои острые носы. Хлопаю по щеке, убивая очередное насекомое, и краем глаза замечаю, как Инга следит за каждым моим движением. Её взгляд — как лезвие, холодное, отточенное, пропитанное ненавистью.

— Не смотри на меня такими влюбленными глазами, — подмигиваю ей, растягивая губы в ухмылке.

Вампирша натянута как струна. Кулаки сжаты так, что, кажется, я слышу хруст её суставов. Это не просто личная неприязнь — это древняя вражда, прожитая в самой нашей природе: оборотни против вампиров. У нас на генетическом уровне заложено убивать друг друга.

Если мне удастся держать лицо, то кровососка даже не пытается прятать свою ярость. Она всем видом даёт понять, что готова хоть сейчас ринуться в бой. С ней нужно быть начеку и по возможности постоянно держать в поле видимости. Неизвестно, когда она полностью слетит с катушек и решит выяснить, чей род древнее и кто имеет право на существование.

— У тебя блоха на носу, — Инга надевает маску величия.

— Больше бывай на солнце — у тебя проблемы со зрением от нехватки витамина D, — снимаю очередного комара с лица и тычу кровососке под нос. — Это же твои родственники! Не признала, что ли?

Инга подаётся вперёд, и её человеческая оболочка трещит по швам. Длинные пальцы скрючиваются, на них вырастают когти, клыки вытягиваются, глаза краснеют и сверкают, как стоп-сигналы в густом тумане. Она шипит, как вода, попавшая на раскаленное масло.

— Боюсь-боюсь, — театральноставляю руки и делаю шаг назад. — Только закрой рот — дышать невозможно. Несёт, как из могилы с гнилым обосравшимся трупом.

Инга уже готова броситься, когти царапают воздух, и я понимаю: ещё секунда — и она сорвется.

Но тут, между нами, словно из ниоткуда, вырастает Ратибор. Он не бросается в драку, не выставляет щиты — просто становится, раскинув руки.

— Эй, эй, полегче! — властно рявкает он. — Поберегите силы. Они вам ещё пригодятся.

Инга замирает, тяжело дыша, зрачки всё ещё красные, но ярость понемногу отступает, сменяясь холодной злостью. Она косится на Ратибора, потом на меня, будто прикидывает свои силы.

— Ещё шаг — и я тебя убью, — спокойно добавляет Ратибор.

Я чуть опускаю плечи, сбрасывая напряжение, и благодарно киваю лесному духу.

Лисунэ хихикает сбоку, прикрывая рот ладонью:

— Ну и парочка... Лиса и волк ещё ладно, но волк и вампир — это как спичка и бочка пороха.

— Ты вообще молчи, — бросаю я, поворачиваясь к клеткам, явно предназначенным для нас.

Десять металлических клеток стоят рядами — по пять с обеих сторон помоста. Рядом с каждой — круглая сфера или аквариум, не поймёшь с ходу. Высотой клетки около двух метров, шириной, наверное, метра полтора. Толстые прутья расположены так, что в промежуток спокойно пролезет рука до самого плеча. И от этой нарочитой «доступности» по коже ползет неприятный холодок.

— Эй, Ника, — зовёт меня Инга, растягивая губы в ядовитой усмешке. — Для тебя вольеры приготовили... Гав! Гав!

— Завали ебало, — отмахиваюсь от нее, не глядя, потому что, если посмотрю — точно сорвусь.

Сейчас нужно сосредоточиться на испытании, а не на неуравновешенной пиявке. Но, если быть честной, я с трудом сдерживаюсь, чтобы не оторвать ей голову. Волк внутри скребётся, толкается в рёбра, требует выпустить его, дать ему эту секунду безумия, когда всё решается когтями и клыками.

«Тише, — шепчу ему мысленно, стискивая зубы. — Сейчас не время. Сейчас нужно играть».

Марта, заметив, куда я смотрю, хмурится, наклоняет голову, будто прислушивается к самой воде:

— Не нравятся мне эти клетки.

Лилит, стоявшая до этого чуть в стороне, подходит ближе, щурит глаза, разглядывая сферы:

— А это что? Аквариумы для рыбок? Или, может, сюрприз для любителей острых ощущений?

— Лучше не трогай, — бурчит Карина, не сводя взгляда с Ратибора. — Пока не скажут, что можно, — ничего не трогай.

Софья стоит, прижав ладони к щекам и шепчет:

— Зачем... они же не для нас?

Дарина вдруг поднимает голову, её зрачки расширены:

— Они для того, чтобы мы не смогли сбежать.

Агата, до этого молчавшая, делает шаг вперёд, но тут же замирает.

— Магия здесь не поможет, — произносит она, скорее себе, чем нам.

Ратибор, до этого стоявший неподвижно, наконец делает шаг к центру помоста.

— Вы видите клетки. Это не декорации. Каждая из вас войдёт в одну из них.

Лилит кокетливо играет бровями:

— Наш леший любит пожестче?

Ратибор игнорирует суккуба и спокойно продолжает:

— Внутри клеток ваши способности будут подавлены. Вы не сможете обратиться, применить магию и так далее. В вашем распоряжении — воздух, рассчитанный на пять минут. По истечении времени колба расколется. Чтобы пройти испытание, вам достаточно открыть дверь и подняться на поверхность. Всё необходимое уже находится внутри клетки.

— Больше похоже на казнь, чем на испытание, — я обвожу взглядом металлические конструкции, и в груди шевелится что-то холодное, неприятное похожее на страх.

— А кто говорил, что будет легко? — Ратибор приподнимает кустистые брови, глядя на меня так, будто я должна быть благодарна за саму возможность тут находиться.

— Да нам вообще мало что говорили, — пожимаю плечом. — Нам даже правил никто не объяснил. Да и про выигрыш всё как-то призрачно и непонятно...

— Она права, — дёргает головой Лисунэ, нервно почесывая затылок. — Мы как слепые котята в неведении.

— Котята... — Дарина приоткрывает рот, смотрит на реку. — В прошлой жизни я была милым котенком. Бабуля засунула меня в мешок, привязала камень к нему и кинула в реку...

— Ну... В принципе, всё циклично, — киваю ей. — Ситуация повторяется. Только теперь десять котят, и вместо бабули — дедуля.

— Не нагнетайте, — вступает в разговор кикимора Селена. — Ничего сложного тут нет. Если, конечно, вы не умственно отсталые.

Софья громко сглатывает. Губы у неё синие, лицо — восковая маска. Она изгрызла губу в кровь.

Карина, в отличие от неё, — кремень. Только мелкие капли пота, выступившие над верхней губой и на висках, выдают ее волнение.

— Селена, на твоём месте я бы переживала, как бы не проткнуть колбу таким шнобелем, — широко улыбаясь, насмешливо мурлычет Марта.

— Марта, на твоём месте я бы повесилась, — Селена перекидывает зеленую косу через плечо. — Лучше смерть, чем такая внешность.

— Давайте уже начинать, — тихо перебивает Агата. Ведьма тоже нервничает: под водой ей придётся рассчитывать только на свои человеческие силы, а это для неё всё равно что идти в бой с завязанными глазами.

Ратибор хлопает в ладоши.

Все вздрагивают — и вот мы уже внутри клеток с колбами на голове.

— Да твою ж мать, никогда к магии не привыкну, — я поправляю увесистый аквариум на голове, пальцы скользят по мокрому стеклу, и на секунду мне кажется, что я сейчас запаникую.

Слева от меня — Лисунэ. Ее желтые глаза бегают по прутьям, пальцы перебирают воздух. Она что-то бормочет себе под нос.

Справа от меня — Софья. Стоит как статуя, не шевелясь, смотрит на Ратибора.

— Начали! — командует он.

Клетки падают в воду. И в тот же миг вода начинает подниматься.

Ледяная, она ударяет по ногам, по бедрам, по груди, толкая нас к прутьям. Давление нарастает мгновенно, как в шлюзе, когда открывают затвор.

Колбы тут же становятся не просто неудобными — они превращаются в ловушки. Стекло мутнеет от конденсата, видимость падает. Слышно, как вода бьется о металл, как кто-то кричит, как скрежещет железо.

Я хватаюсь за прутья, чувствуя, как холод пробирается под кожу, как мышцы напрягаются, пытаюсь удержать равновесие.

В мутной воде мелькает тень — то ли отражение, то ли что-то живое. Я прищуриваюсь, пытаюсь разглядеть, но тень слишком быстрая и стекло мешает.

«Держи дыхание. Держи себя», — повторяю про себя.

Вода накрывает с головой. Клетки погружаются на глубину — будто кто-то дёргает за невидимую цепь, утягивая нас вниз, в ледяную темноту. Сердце в груди танцует пасодобль: то замирает, то срывается в галоп, колотясь о ребра так, что, кажется, вот-вот проломит их.

Пыхчу как паровоз, кручу головой, бьюсь колбой о металл — и тут же понимаю, что это только тратит силы, а холод уже сковывает движения, делает их неуклюжими, как у куклы со сломанными шарнирами.

Так, стоп! Нужно успокоиться, выровнять дыхание, иначе воздуха не хватит и на пару минут. Зубы стучат от напряжения. Страх, давно загнанный в тёмные углы памяти, сейчас просочился наружу, скользкий, липкий, неприятный. Он мне не нравится. Совсем.

Прикрываю веки. Раз... два... три... Открываю глаза, осматриваюсь сквозь мутное стекло.

Слева Лисунэ отчаянно дергает дверь клетки — то ли надеется вырвать её с корнем, то ли просто пытается сбросить напряжение этим бессмысленным рывком. Жёлтые глаза горят как угли, а пальцы впиваются в металл.

Справа Софья пытается протиснуться сквозь прутья — логика давно покинула её голову, остался только первобытный инстинкт: «выбраться, выбраться любой ценой».

Осматриваю свою дверь. Взгляд цепляется за обычную щеколду.

— Так просто?!

Не веря этому, отодвигаю щеколду, толкаю дверь от себя. Ничего не происходит. Тяну на себя верхний край — он слегка поддается, но остальная часть двери словно приварена намертво.

«Ловушка с приманкой», — мелькая в голове.

Волк внутри не рвётся наружу — он притих, прислушивается, он знает: здесь сила пригодилась бы, но помочь сейчас не может.

Значит нужно что-то другое. Хитрость? Терпение? Логика? Расчетливость?

Сбоку слышится глухой удар — кажется, Софья бьётся колбой о решетку, и этот звук, бьет по нервам.

Остальных участниц я не вижу — темная толща воды и запотевшее стекло аквариума на голове мешают обзору. Снова тяну на себя дверь, упираюсь ногами, жилы на шее до боли напрягаются, будто вот-вот лопнут.

Мимо проносится длинное нечто — чёрная тень, рассекающая воду, как лезвие. Через пару секунд слышу приглушенный крик справа. Алое облако поднимается вверх, расплывается в воде, как чернила.

Софья изворачивается, пытаясь вырваться из колец донного костегрыза. Костистые пластины вместо чешуи рвут её тело, тварь сильнее затягивает свои смертельные объятия, раскрывает широкую круглую пасть с сотней острых клыков и насаживается на стеклянный шлем. Тот с хрустом лопается, пасть смыкается на голове. Костегрыз начинает заглатывать тело, которое продолжает бороться за угасающую жизнь — ещё один рывок, еще один судорожный взмах руки... и всё стихает.

— Дело дрань, пора рвать когти, — закусываю губу, сосредотачиваюсь и шарю глазами по полу клетки.

Тут должно быть что-то, чем можно открыть эту чертову дверь. В самом углу полотна блестит карабин. Наклоняюсь ближе, присматриваюсь и вижу, как от карабина вниз натянута толстая цепь. Вот оно. Вот что удерживает дверь. Нужно просто отцепить эту хреновину — и я свободна.

Тянусь к блестящему металлу, пальцы скользят по железу. Чтобы карабин открылся, нужно открутить колёсико. Кручу, кручу, чувствуя, как секунды утекают вместе с воздухом в колбе. Наконец — щёлк. Карабин уносится в глубину.

В этот момент получаю резкий толчок в спину. Тут же разворачиваюсь, встречаясь лицом к лицу с костегрызом. Он зависает передо мной, пялится мутными глазами, словно оценивает, с какой стороны удобнее вцепиться.

Не мешкаю. Хватаю его за голову и со всей дури давлю пальцами в эти мутные, безжизненные глаза. Длинное тело, похожее то ли на угря, то ли на мурену, извивается, выкручивается, сдаёт назад. Отпускаю руки — и тварь уносится прочь, растворяясь в темноте.

Возвращаюсь к двери. Дергаю. Она поддается — не сразу, но поддается.

Видю краем глаза: Лисунэ, видимо, подсмотрев, как я возилась с карабином, уже открыла свою дверь и теперь плывет вверх. Вот же хитрая лиса.

Дергаю дверь сильнее, выплываю из клетки, и моя колба трескается — с тихим, злым хрустом. Вдоха хватает, чтобы добраться до поверхности. Гребу руками, помогаю ногами, чувствуя, как мышцы горят, как вода тянет назад, не хочет отпускать. Свет фонарей становится ярче, ближе, почти обжигает глаза.

Ещё движение. И я вынырываю, делаю жадный, рваный вдох. Легкие раскрываются, как разорванные паруса... Но тут резкий рывок погружает меня обратно под воду. Что-то хватает за лодыжку и тянет вниз. Легкие обжигает речной водой — я вдыхаю её.

Пытаюсь нащупать, что держит меня, бью ногой, но хватка железная.

Спускаю с поводка своего зверя. Пара секунд — и вот я уже не девушка Ника, а монстр, чудовище, от которого у всех кровь стынет в жилах. Хватаю то, что впилося мне в лодыжку, и вышвыриваю из воды. Цепляюсь за край помоста, выпрыгиваю, приземляюсь на четыре лапы.

Слышу визги тех, кто уже выбрался из воды, но не вижу никого, кроме своей цели. Инга потеряла человеческий облик: передо мной уродливая тварь — с острыми ушами, сторблен-

ная, челюсть слегка выдвинута, клыки торчат из-под тонких синюшных губ. Редкие волосы прилипли к яйцевидному черепу, крючковатые пальцы венчают чёрные когти.

Прыгаю вперёд, но она успевает вильнуть в сторону. У мелкой твари есть преимущество: она юркая, а я — массивный оборотень. Нужно поймать её, и тогда кровососке уже не сбежать.

Спину обжигает болью: острые когти режут кожу. Хватаю лапой воздух — вампирша снова проносится мимо. Она бежит настолько быстро, что я успеваю увидеть лишь смазанный силуэт и движение воздуха. Зловещий смех — и тварь впивается мне в загривок. Боль пробивает током, заливая глаза яростью. Инга жуёт мою шею, пытаюсь добраться до артерии. Скребу лапами воздух, стараясь вцепиться в холодное, твёрдое тело. Рычу так, что доски под ногами вибрируют.

Наконец когти находят её плечо. Всаживаю всю пятерню и что есть мочи срываю с себя эту пиявку. С размаху швыряю ее на помост — тот с треском ломается под ударом тела.

Разум слегка туманится от вампирской слюны. Трясу головой, возвращая концентрацию. Делаю бросок, но той секунды моего замешательства Инге хватило, чтобы выскользнуть из моих лап. Когти проходят по её спине, как нож по мягкому маслу. Лапа проваливается в дыру в помосте, край доски рвёт мышцу на предплечье, но я уже не чувствую боли. Нужно прикончить эту мразь — чего бы это ни стоило.

— Сзади! — орёт Лисунэ.

Перекаत्याюсь на спину и ловлю в объятия упыря, летящего на меня с разинутой зубастой пастью. Всакиваю. Инга болтается в моих лапах, щёлкает зубами, царапает всё, до чего может дотянуться. Брызги крови летят вместе с клочьями чёрной шерсти.

Сжимаю череп вампира. Она визжит, как ультразвук; чёрные вены сеткой расползаются по лицу, ноги молотят воздух. В последний раз смотрю исподлобья в ее безумные глаза. Победный вой рвётся из глотки. Поворот — и голова кровососки остаётся у меня, а тело падает, как мешок с цементом. Конвульсия нескольких секунд сотрясает его, а затем плоть рассыпается в пепел. Только голова остаётся целой. Рот застыл в беззвучном крике, а глаза — с ужасом, отвращением и ненавистью — не моргая смотрят на меня. В них больше нет жизни.

Отшвыриваю голову. Она катится и останавливается у ног Ратибора.

Позади меня солнце поднимается над горизонтом. Воздух с шумом выходит из пасти, образуя облачка пара. Лягушки квакают, где-то журчит ручей. Кровь из ран, смешанная с речной водой, стекает по шерсти и капает на помост.

Мои соперницы сбились в кучу за спиной Ратибора. Карина вообще сидит, спрятав голову, уткнувшись лицом в колени, и раскачивается, как психопатка.

— Вот поэтому раньше мы не брали оборотней в Игру, — Ратибор почесывает затылок, покачивая носком ботинка голову Инги.

Раны горят, пульсируют, как гнойный нарыв. Если бы их нанёс кто-то другой, они бы уже затянулись. Но от укусов упыря регенерация идет медленнее.

— Ника, ты это... давай возвращайся к нам, — Марта выглядывает из-за Ратибора.

— А по мне это очень сексуально, — Лилит закусывает губу, недвусмысленно глядя на меня.

— Да с тобой всё понятно, — отмахивается от неё Марта.

Отключаю слух, прикрываю глаза, успокаиваю сердце и дыхание. Адреналин гуляет в крови, как алкоголик по спиртзаводу. Зверь не устал — он бы ещё долго мог драться после этого долгого воздержания. Но во всём нужна мера. Хотя кому она нужна? Мне — нет. Ну да ладно.

Тело возвращается в человеческий облик. Стою нагая перед всеми.

— Не, ну в принципе мне стесняться нечего. Я могу и так ходить, — пожимаю плечами, глядя на Ратибора.

Движение приносит боль. Стискиваю зубы, терпя ее. Пусть все думают, что я машина, не чувствующая ни страха, ни боли, ни жалости.

— Пойдём, нужно подлечить тебя, — леший снимает рубашку и накидывает мне на плечи. Ткань сразу пропитывается кровью.

— Пойдём, коль предложил, — киваю и следую за ним, чувствуя на себе косые взгляды остальных.

— А вы чего стоите? — оборачивается к ним Ратибор. — Вас всех ещё нужно расселить, будь вы неладны...

— Зачем так грубо? — равняется со мной Лисунэ. — Мы что, даже не почтим память ушедших?

— Было бы кого почитать, — кривится Агата.

— Ой, девки... Чую, жарашка только начинается, — Марта виляет полными бедрами и уходит вперёд.

Лилит на ходу обнимает меня за плечи — и в этот момент мне хочется вырвать её рога и вставить во все отверстия, которые у нее чешутся. Но я только стискиваю зубы и терплю: сейчас не до разборок.

— Вы заметили, что дышать стало приятней? — она втягивает воздух, будто пробует его на вкус, и расплывается в довольной улыбке. — Нет этого токсичного вампирского послевкусия. Прямо как после грозы — всё смыло, и пахнет приятно.

— Согласна, — сзади раздаётся голос Дарины, про которую все успели забыть. Медиум плетется сзади, как привидение. Её плечи опущены, руки безвольно висят, а взгляд устремлен сквозь нас.

Марта, идущая чуть впереди, фыркает и косится через плечо:

— Дарина, ты как призрак на собственных похоронах. Хоть бы вид сделала, что жива.

Дарина чуть вздрагивает, будто только сейчас осознаёт, что она не одна, и медленно поднимает глаза:

— Я жива. Просто... я всё ещё слышу её. Софью.

Агата, шагающая рядом с Мартой, хмурится и скрещивает руки:

— Не надо нам этого. Мы и так на взводе.

— А мне нравится, — Лилит отпускает мои плечи, делает шаг к Дарине и заговорщицки подмигивает. — Чем страшнее, тем интереснее.

Карина, по-прежнему бледная, словно выточенная из льда, наконец поднимает голову:

— Лучше бы я тогда умерла.

На этих словах все невольно замедляют шаг. Даже Ратибор, ведущий нас по узкой тропе между деревьями, чуть оборачивается.

Я же просто иду вперед, чувствуя, как рубашка Ратибора липнет к ранам, как каждый шаг отдается болью в теле. Зверь внутри притих, переваривает битву. И ждет, когда снова понадобится.

Ратибор останавливается у небольшой хижины, притулившейся у корней старого дуба — будто дом вырос из самого дерева. Дверь приоткрыта, из щели тянется слабый запах трав и дыма.

— Здесь тебя подлечат, — кивает он мне. — И не смотри так. Это не милость. Это приказ свыше.

— Конечно, — усмехаюсь я, стараясь вложить в эту усмешку побольше равнодушия. — Всё исключительно ради Игры.

Он хочет что-то добавить, но только качает головой и отходит в сторону, давая мне пройти первой.

Внутри хижины полумрак, пахнет землей и пеплом. У очага сидит старуха с лицом, похожим на сморщенный урюк: морщины глубокие, глаза — темные, бездонные. Она молча кивает, достаёт из корзины пучок сухих трав и ставит на огонь небольшой котёл.

— Садись, — говорит она тихо, но так, что не возникает желания спорить.

Я опускаюсь на низкую лавку, прижимаю рубашку к ране, чтобы не капало на пол, и смотрю, как старуха растирает травы в ступке. Её движения неторопливы.

Когда она прикладывает к ране прохладную, пахучую мазь, я наконец выдыхаю от облегчения.

Глава 5

Тело полностью восстановилось — раны затянулись, остались лишь шрамы, но и они со временем сойдут на нет.

Я-то думала, нас поселят в каком-нибудь ангаре, где мы будем спать на голом полу, вонять немытыми телами и жевать подножный корм. Но я ошибалась.

Окидываю взглядом джакузи, в котором только что отмокала моя тушка, и с грустью выдыхаю, натягивая мягкий белый халат. Ткань приятно скользит по коже, впитывает остатки влаги, пахнет свежестью стирального порошка. Гидромассаж, который подарил мне этот акриловый друг, здорово расслабил нервную систему. Неплохо было бы промять и мышцы — с помощью мускулистого массажиста, но... кажется, я забываю, где нахожусь.

— Ника, не налей, — говорю себе, выходя из ванной. Голос звучит в просторной комнате глухо.

Комната большая, но от этих больничных тонов слепит глаза: белые стены, белый текстиль. Всё слишком чистое, слишком аккуратное.

Огромная кровать с коваными ножками и таким же изголовьем. Сажусь на упругий матрас. Провожу пальцем по витиеватому металлу изголовья, нащупываю шероховатости, потёртости. Кожа цепляется за мелкие неровности.

— Следы от наручников... Интересно, приковывали для удовольствия или для пыток? — рассуждаю вслух.

Люблю разговаривать сама с собой. Приятно поговорить с умным человеком.

На прикроватной тумбе стоит лампа. Рядом лежит металлический браслет с надписью. Буквы незнакомые, угловатые. Решаю не трогать его: мало ли, вдруг сдетонирует и оторвет мне руки. Да, они отрастут, но это адски больно. Травмы, полученные в человеческом облике, заживают куда дольше, чем в облике оборотня. Тело хуже отзывается на восстановление потерянных конечностей, а боль ощущается куда острее.

Тишина гробовая. Звукоизоляция отсекает все внешние звуки — и от этой глухой тишины становится не по себе, будто я не в комнате, а в саркофаге. Заставляю себя отвлечься и продолжаю изучать детали, цепляясь взглядом за каждую мелочь, лишь бы не слышать эту звенящую тишину.

Напротив кровати стоит шкаф. Открываю дверцы — они протестуя издают противный, скрипучий стон. Втягиваю голову в плечи, замираю, сжавшись, и жду: сейчас кто-нибудь ворвется, начнёт журить за то, что лажу там, где не положено.

Проходит пара секунд. Никого. Продолжаю.

На полках вещи разложены с педантичной аккуратностью: с одной стороны — всё в белых и молочных тонах, как для ангела, с другой — черное и хаки. Посередине — выдвижной ящик, набитый разнообразным нижним бельём. На самой нижней полке — две пары тактических ботинок. Рассматриваю их, примеряю взглядом: мой размер.

— Отлично, меня тут ждали, — киваю себе и аккуратно возвращаю обувь на место.

Внимание притягивает камера в углу под потолком — тёмный глаз, мигающий зеленым огоньком. Смотрю прямо в него, будто могу разглядеть того, кто по ту сторону. Интересно, кто сейчас следит за мной? Хотела бы я взглянуть на него так же, как он на меня. Приветственно машу рукой. Камера не отвечает.

Идем дальше.

Дверь сделана из темного стекла. Из-за яркого освещения не видно, что за ней, — только мое отражение и отражение интерьера виднеется на стекле. Поворачиваю ручку в надежде открыть. Заперто. Ну конечно. А ты думала что? Что тут как в санатории — можно гулять по территории, осматривать окрестности? Наивная...

Кстати, об окрестностях. Быстро подхожу к окну, резко отдёргиваю тяжёлые шторы. Солнце тут же бьёт в лицо, заставляет зажмуриться. Привыкаю к нему и смотрю вниз.

Под окнами — ухоженный газон с сортовой травой, клумбы с розами всех оттенков: от чёрного, будто выкрашенного самой ночью, до снежно-белого. Высокие туи стоят плотными рядами, образуя живой забор. За ними виднеется лес: пики сосен тянутся к небу, а на горизонте горы покоятся в дымке тумана, словно нарисованные акварелью.

Тянусь, чтобы открыть окно, вдохнуть этот воздух, почувствовать, что я всё ещё в реальном мире. Но вовремя одергиваю руку. По стеклу пробегает легкая рябь, как по воде от брошенного камня. Оно под охраной.

Зачем ставить массивный забор для скота, если можно протянуть тонкую линию под электрическим напряжением? Так и здесь: зачем решётки на окнах, если есть магия, способная остановить любого, кто решит сбежать.

Делаю шаг назад, обвожу комнату взглядом. Это клетка, в которой постарались сделать так, чтобы пленник не сразу понял, что он пленник.

Зелёный огонёк камеры на долю секунды гаснет — а потом вспыхивает красным.

Я скрещиваю руки и говорю прямо в объектив:

— Ну давай, покажись. Или смелости не хватает?

Дверь с тихим щелчком открывается, и я подпрыгиваю. Не ожидала, что на мой вызов кто-то придёт.

На пороге появляется высокая фигура в белой футболке и серых спортивных штанах. Влажные тёмные короткие волосы слегка небрежно торчат. Гладко выбритое лицо украшает открытая улыбка, которая собирает складочки на щеках. Синие, как океан, глаза, сверкая, смотрят из-под длинных темных ресниц.

— Так смотришь, будто чудовище увидела, — молодой мужчина говорит тихим голосом.

— Красив, как боженька, — не сводя с него взгляда, бормочу я.

— Ты видела его? — он вопросительно приподнимает бровь.

— Пока не довелось, но примерно так я себе его и представляла, — заправляю прядь волос за ухо и мысленно раздеваю представителя сильного пола.

— Я Рэйдан, — протягивает мне ладонь.

— Ника, — пожимаю горячую, чуть шершавую руку. — Кто ты, Рэйдан?

Рэй отворачивается, заводит вешалку на колесиках:

— Тот, кому поручено следить за вами и по возможности развлекать.

— Последнее меня интересует больше всего, — отхожу в сторону, давая ему дорогу.

Либи́до вое́т, как ста́я голо́дных волко́в. Похотливые инстинкты отключают все остальные, но держусь из последних сил, чтобы не наброситься на объект, способный потушить пожар внизу моего живота. Ох уж этот зверь внутри меня: чем больше даешь, тем больше он требует. Ну ведь погулял ты уже сегодня, можно и утихомириться, так нет же — теперь ещё и секс ему подавай.

— Из последнего пока что ничего не могу предложить, — он наклоняет голову набок, мило улыбается. — Как только получу указание вышестоящих, сразу оглашу список моих возможностей.

— Ты сейчас меня отшил, да?

— Выставил границы дозволенного.

— Ты за этим ко мне пришёл? Чтобы выставить границы и подразнить?

— Сегодня вечером будет открытие сезона. Участницы тоже приглашены. Я привёз тебе наряд. Будь добра к шести вечера надеть его, приведи себя в порядок.

— Не могу.

— Почему?

— Быть доброй не могу, моя природа мне не позволяет.

Рэйдан сам себе кивает, идет к двери, останавливается на выходе, поворачивает голову:

— В шесть вечера я заберу тебя. Платье, туфли и приличный вид — это обязательно.

— Раз секса не будет, хоть поесть дайте, — тяжело вздыхаю я.

— Скоро обед, — дверь закрывается.

Провожу ладонью по лицу, и внутри ворочается маленький червячок стыда. Порой самой от себя противно: я веду себя как животное, отдаваясь инстинктам. А если задуматься всерьез: я ведь наполовину зверь... Или это только оправдание?

Дверь вновь открывается. Стою у вешалки, не оборачиваясь, бросаю через плечо с нарочитой небрежностью:

— Рэй, ты всё же решил помочь даме снять напряжение?

— Этот распиздай забыл сделать самое важное, — низкий голос, как удар молота, заставляет меня резко обернуться.

— Да где вас таких набирают? — театрально прикладываю руки к груди, видя перед собой новый мужской экземпляр.

— Там, где брали, таких больше не осталось. Мы — последние, — мужчина шагает к тумбе, берёт браслет. Движения размеренные, без суеты.

Он одет так же, как Рэйдан: футболка и спортивные штаны, ростом чуть ниже, зато шире в плечах, как из камня выточен. Цвет волос — как у меня: чернее чёрного. Глаза серые, холодные, словно отлитые из стали, и в них нет ни капли тепла — только спокойная уверенность. На лице — аккуратная, тщательно подстриженная растительность: чёткая окантовка вдоль линии челюсти, ровные контуры у скул и подбородка. Чувствуется, что над ним поработал умелый барбер.

Он приседает у моих ног, поднимает на меня взгляд. Лицо бесстрастно, лишь зрачки едва заметно расширяются.

— Меня зовут Аким, — он осторожно касается моей лодыжки. — Дай мне ногу.

— Могу дать не только ногу, — шепчу себе под нос.

— Взял бы не только *ногу*... — на секунду уголок его губ вздрагивает, тут же прячась под маской невозмутимости. — Но такого разрешения пока не поступало.

Аким застёгивает браслет на моей лодыжке, затем его пальцы скользят чуть выше, замирают у колена — и он встаёт в полный рост.

— Что это? — спрашиваю, вглядываясь в его по-мужски красивое лицо, пытаюсь прочесть хоть что-то за этой каменной невозмутимостью.

— Проверял степень небритости ног.

— Я про браслет.

Аким потирает ладонью подбородок.

— Браслет блокирует любые магические проявления, в том числе и оборотничество. Пока он на ноге, ведьмы не смогут колдовать, суккуб — очаровывать, и так далее.

— Но на испытаниях их будут снимать, верно? — я слегка напрягаюсь.

— Конечно, — коротко отвечает он, скользя по мне взглядом, и это скольжение ощущается как прикосновение.

Делаю шаг ближе, втягиваю запах его тела — смесь пота, железа, тестостерона и адреналина.

— Аким, не смотри так на меня. У меня слабая выдержка, — беру его за шею, чувствую под пальцами жар кожи, шепчу на ухо. — Тебя не предупредили, что оборотни отличаются повышенной страстностью и озабоченностью?

— Я справлюсь, — его шепот отзывается лавиной бегущей по коже. — Видишь камеру?

В этом «справлюсь» столько мужской уверенности, что становится только жарче.

— Угу.

— Когда она горит красным — за тобой наблюдают. Зелёный — значит, у тебя есть свобода... на какое-то время.

Он шепчет почти беззвучно, прямо в ушную раковину. Дыхание обжигает кожу, заставляя каждый нерв натянуться как струна.

— Сейчас горит зелёный, — я киваю, глядя на темный глаз объектива в углу.

— Следи за ним. Как только загорится красный — сразу скажи, — он просовывает руку мне под халат.

Я замираю от его напора. Не думала, что Аким так быстро перейдёт к делу. Мелькнула даже мысль изобразить сопротивление, но уже на первом движении его пальцев всё здоровое вылетает из головы.

Его прикосновения быют точно в цель — без промахов, без лишних поисков. Каждое движение совпадает с желаниями, будто он заранее знает, как отзывается моё тело. Внутри сначала всё сжимается, а потом распахивается. Меня накрывает горячей волной, и я уже не могу ни думать, ни контролировать себя.

Прижимаюсь к его груди. Пальцы впиваются в бицепс. Только бы не сорваться. Только бы удержать хоть каплю контроля.

— Следи за камерой.

Спокойный голос у шеи, как будто ничего не происходит.

Объектив — черная точка в углу. Держусь за неё взглядом. «Красный — стоп». Мысль как поручень. Хватаюсь за неё. Держусь.

Но ритм ломает всё. Четкие, выверенные движения. Ни миллиметра мимо. Точно туда, где тело отзывается сильнее всего. Снова. И снова. Без паузы. Как приказ, которому нельзя не подчиниться.

Воздух застревает в горле. Пульс везде: в висках, в горле, в пальцах. Держусь за его руку. Ещё.

Только не останавливайся.

Напряжение стягивается в одну точку. Плотное. Тяжёлое. Невыносимое. Тянет. Сжимает. С каждым движением всё сильнее.

Не могу думать. Не могу держаться за «красный — стоп». Не могу держаться вообще ни за что. Тело больше не моё.

Точка доходит до предела. Держится секунду. Две. И лопается.

Оргазм разлетается по телу. Мир исчезает. Нет камеры. Нет комнаты. Только вспышка. Только рассыпающиеся искры.

А потом — тишина. Слышу его ровное дыхание. И свое — сбитое, дрожащее, будто я только что вынырнула из ледяной воды.

Медленно разжимаю пальцы. Бицепс под ними все еще напряжен, твёрдый, как сталь. Делаю крошечный шаг назад — и комната наваливается на плечи всей своей тяжестью. Холод пола пробирается сквозь ступни, возвращает меня в реальность.

Камера в углу по-прежнему мигает зелёным.

Провожу ладонью по лицу, стирая с кожи остатки этих сумасшедших минут. В груди всё ещё гулко колотится сердце.

Аким наклоняет голову к плечу, будто считывает эту перемену: как из уязвимой я снова становлюсь хищницей.

— Довольна? — спрашивает ровно, без лишних интонаций.

— Вполне, — усмехаюсь я.

Глава 6

С трудом поспеваю за Рэйданом, туфли скользят по гладкому полу, будто я иду по льду в бахилах. На глазах — чёртова повязка, делающая из меня слепого котёнка. Вцепившись в руку Рэя, семеню ногами, как будто учусь ходить заново: высокие шпильки то и дело норовят свернуть мне лодыжку, а каждый шаг отдаётся резкой болью под сводом стопы.

Останавливаемся. Слышу, как совсем рядом едет кабина лифта.

— Для чего этот маскарад? — поправляю глубокий вырез на платье, пытаюсь хоть как-то прикрыть себя. — Туфли жмут, стринги хотят разрезать меня надвое. Еще этот белый цвет... Я в нём выгляжу как жертва на алтаре.

— Шикарно выглядишь, — спокойно резюмирует Рэйдан. — Вам оказана честь побывать на открытии Игр. На твоём месте я бы держал язык за зубами и...

Не даю ему договорить — резко дергаю руку, но тут же снова вцепляюсь в него, потому что без опоры рухну прямо здесь:

— На моём месте ты бы уже сдох!

Он делает шаг в лифт, я следом, едва не падая. Двери закрываются, не издавая никаких сигналов. Не могу определить, в каком направлении движется кабина: настолько плавно она едет, будто её вообще ничего не тянет, а она просто парит в воздухе.

— Ника, во всём должна быть мера, — Рэйдан чуть подтягивает меня ближе к выходу, будто боится, что я свалюсь в щель между кабиной и шахтой. — Не туши огонь, но и не лезь на рожон. Если ты понравишься кому-то из господ, для тебя это будет огромный плюс.

— Меня интересует только Блэквуд, — выдавливаю сквозь стиснутые зубы. Не столько потому, что хочу его внимания, сколько потому, что он — ключ. Единственный, кто может дать то, что мне нужно.

Рэйдан наклоняется к уху, его голос, становится ниже, чуть суше:

— Вопрос в том, заинтересуешь ли его *ты*.

Кабина замирает так же беззвучно, как и ехала. Двери разъезжаются, и в нос ударяет запах, которого не было в моей комнате: тяжелый, пряный, с нотой дыма и дорогого парфюма — будто весь зал пропитали властью, чтобы даже воздух напоминал, кто здесь решает судьбы.

Рэйдан снимает повязку, мягко подталкивает меня в спину:

— Иди на сцену.

— Сцену?

Свет софитов до боли слепит глаза, заставляя зажмуриться так, что перед веками вспыхивают алые пятна. Моргаю, привыкаю к свету, и мир постепенно складывается из размытых пятен в четкие, слишком яркие очертания. Передо мной — небольшая сцена, окутанная легкой красной дымкой, будто воздух здесь подкрасили кровью. Преодолеваю три ступеньки — каждая отзывается цокотом шпилек, который тут же глотает гул зала.

На сцене уже стоят мои соперницы, потягивают из бокалов искристые напитки. Лисунэ приветственно машет мне, в её жесте столько непринужденности, словно мы не на Играх, а на девичнике у подруги.

Остальные бросают оценивающие взгляды, явно пытаются угадать, сколько раундов я продержусь.

Все облачены в одинаковые платья; даже на пышную Марту нашли наряд по размеру — ткань натянулась на бедрах, но держится, будто ее сшили из воли к победе.

Большой прямоугольный стол заставлен всевозможными яствами: тут и сочные фрукты, и кровавые стейки из мяса и рыбы, и отвратительные лягушки в красном соусе, и даже сверчки с червями, аккуратно разложенные по фарфоровым блюдам. Под тарелками замечаю руны,

выгравированные на белой мраморной столешнице. Отодвигаю тарелку с жуками, хочу прочесть, что написано, но мне под нос тычут бокал.

Поднимаю взгляд на нарушителя личного пространства. Лявка в облике молодого парня тянет мне фужер. Тёмные глаза горят жадным блеском, широкая улыбка не вызывает ничего, кроме омерзения и желания поскорее избавиться от её обладателя. Открываю рот, чтобы послать эту тварь куда подальше, но изо рта не выходит ни единого звука — только беззвучное движение губ, как у рыбы, выброшенной на берег. Хлопаю губами, чувствую, как внутри зарождается паника.

— Не пугайтесь, но сегодня вам приказано молчать, — лявка настойчиво отдаёт мне бокал, поправляет пиджак всеми шестью руками. — Пейте, ешьте, осматривайтесь. Если что-то понадобится — щелкните пальцами.

Оборачиваюсь на коллег по несчастью. Лилит пожимает плечами, поджимая пухлые губы, будто хочет сказать: «Сама не понимаю, что происходит». Марта с кикиморой Селеной хрустят сверчками — звук такой, будто ломают сухие веточки. Карина дрожащими пальцами отщипывает ягоды винограда. Агата с Дариной принялись раскладывать себе по тарелкам жаб. Мне кажется, что Дарина даже слегка пританцовывает. Неужели её отпустило, и она пришла в себя? Хотя радоваться жабе на тарелке нормальный человек не будет.

Лисунэ смотрит на меня хитрым взглядом, подмигивает и кивком указывает на мясную тарелку.

Смотрю в бокал: пузырьки кружатся в светлой жидкости. Вдыхаю запах — лимонная цедра и белые цветы. Делаю глоток — и рот наполняется теплыми нотками бриоши и миндаля. Шампанское не из дешёвых: на нас решили не экономить.

«Интересно, для чего это? — проносится в голове. — Чтобы бросить пыль в глаза или для откорма развлекающей скотины ничего не жалко?» Надеюсь, не отравимся.

С браслетом на ноге все органы чувств приглушены. Зверь спит крепким сном. От этой тишины внутри становится жутко: будто часть меня просто вырезали.

Нужно позже поэкспериментировать. Быть может, удастся как-то обойти воздействие блокатора.

Переключаю внимание на зал. Софиты режут глаза, мешают увидеть всё целиком, но мне хватает этих рваных кусков, чтобы понять, кто там собрался. Воздух настолько густой, что его можно порезать ножом — он липнет к коже, пахнет озоном и кровью. Мне кажется, я даже вижу в нём электрические разряды — тонкие голубые нити, пробегающие между фигурами.

Ощущение такое, словно все сущности, вся нечисть этого мира собралась здесь. Одни в человеческом облике — настолько безупречном, что от этой правильности хочется скривиться: слишком ровные черты, слишком гладкая кожа, будто лица вылеплены из воска. Другие — во всей своей красе, не тратя силы на маскировку. Но все как один облачены в белые наряды. Сюр какой-то: устроили парад приличий там, где приличием и не пахнет.

Вот красномордый демон облизывает раздвоенным языком свою спутницу; блондинка заливается смехом, поглаживая рогатого чешуйчатым хвостом. Вот невероятной красоты инкуб строит глазки скрюченной в три погибели ведьме. Бабка решила не тратить силы на образ и шокировать всех своей *естественной красотой*: тело покрыто язвами, пальцы погнуты артритом, два клыка торчат из-под тонкой, сухой губы, сальные седые пряди свисают сосульками. Инкуб не зря обратил на неё внимание: ведьма старая, а значит, очень мощная — из неё можно подсосать много энергии и подняться выше по статусу. А кого трахать инкубам и суккубам — неважно. Главное — взять жизненные и магические силы, энергию.

Призраки, черти и многорукие лявки снуют между столиков, разносят заказы званым гостям. Дым от кальянов стоит столбом. Слышится гомон голосов, то и дело раздаётся смех, от которого кожа покрывается пупырышками. Все смотрят в нашу сторону, с интересом обсуж-

дают, кивают, указывают пальцами. Возможно, решают, какая лошадка придет первой и на какую выгоднее сделать ставку.

Замечаю в дальнем углу кресло, больше похожее на трон. Широкое, светлое, с массивными подлокотниками, на которых покоятся крупные мужские руки. Золотой перстень сверкает так, что его видно даже издали — будто нарочно выставили его напоказ, чтобы никто не усомнился в праве сидеть там. Мужчина расслабленно восседает на троне, раскинув ноги. Голова чуть склонена набок, лицо скрыто белой маской — даже глаз не видно. Это точно Люциан Блэквуд.

«Неужели он настолько уродлив, что даже своим *далеко не модельным гостям* не может показать лицо? — проносится в голове. — Вот это сюрприз будет... А если подумать, и с этим справлюсь. Как там говорят: с лица воду не пить? Мне уж точно не пить. Мне бы найти уютное местечко со всеми привилегиями и жить припеваючи, а всё остальное — пыль из-под дорог. И не такое терпела».

Справа от мистера Икс стул пуст, а слева сидит Ратибор. Что сказать, этому верзиле очень идет костюм. Он поглаживает бороду, кивает головой. Блэквуд ему что-то говорит — это заметно по едва заметному наклону головы, по тому, как Ратибор чуть сужает глаза, будто просеивает каждое слово через сито.

Допиваю шампанское. Подхожу за добавкой, не потому что хочется, а чтобы руки были заняты.

Участницы сбились в свою стаю, стоят обособленно, попивая игристое, пытаются одними губами общаться между собой. Периодически кидают на меня косые взгляды.

Я в этом цирке участвовать не собираюсь.

Лярва суетливо доливает мне напиток в фужер. Начинает убирать полупустые блюда со стола, к нему присоединяется плешистый черт: жёсткая щетина топорщится на влажном от пота рыле, копыта выглядывают из-под брюк, а длинные пальцы ловко подцепляют с тарелки жабу и закидывают в пасть. Он довольно закатывает глаза, будто во рту не еда, а чья-то душа.

А лярва со всей жестокостью лупит его по затылку — удар звучит сухо, резко, как щелчок хлыста. От удара жаба вылетает и попадает прямиком Марте в глубокое декольте.

Беззвучный смешок вырывается у меня. Марта даже бровью не повела. Спокойно достаёт земноводное, невозмутимо сует его в рот и игриво машет черту, который впопыхах хватается тарелку и несется прочь, цокая копытами по мраморному полу.

— Идите вон к той линии, — прерывает мое наблюдение лярва, указывая пятой рукой на красную линию.

В голове сразу проносится: «Надеюсь, нас не заставят рассказывать стишок или петь песни... Ещё хуже, если нужно будет танцевать. Наш сброд выглядит настолько убого, что это будет посмешищем. Но, может, Блэквуд сжалится над нами и пропустит всех нас к себе в апартаменты...»

Улыбаюсь про себя. Становлюсь на линию. Рядом со мной — Лисунэ. Она не просто так ко мне липнет: почувствовала силу и хочет союзника, крышу, одним словом. Но она ошибается. Не видать ей защиты так же, как члена Блэквуда.

Я всю жизнь сама за себя — по крайней мере, ту ее часть, которую помню. А помню последние лет пятьдесят, с первого обращения. Что было до — как корова языком слизала. И, честно говоря, не особо и хочется вспоминать.

Лисунэ бросает на меня короткий взгляд, явно хочет что-то сказать. Вместо слов она чуть приподнимает брови. Я вопросительно киваю ей в ответ. Вот и поговорили.

Остальные участницы тоже выстраиваются вдоль линии: Марта тяжело дышит, будто пробежала марафон, Карина дрожит так, что, кажется, вот-вот рассыплется на осколки, Агата и Дарина стоят плечом к плечу, будто пытаются друг друга удерживать. Даже Селена-кикимора притихла — просто смотрит вперёд. Лилит задумчиво цедит шампанское.

Браслет на лодыжке вибрирует. Вздрагиваю. Опускаю взгляд: тонкая красная линия на полу выложена не краской, а чем-то вроде измельченного камня с вкраплениями слюды. Он едва заметно мерцает.

«Что это? — проносится в голове. — Граница? Или просто красивая декорация?»

Лярва хлопает в свои многочисленные ладони — звук получается многослойным, сразу несколько ударов накладываются друг на друга.

— Внимание! — голос его звучит не из горла, а будто из воздуха вокруг. — Много почтенная Купа Фералис выступит с речью. Прошу вашего внимания.

Лярва быстро смахивает тряпкой последние крошки со стола, и исчезает в темноте, растворяясь среди теней.

Что ещё за Купа Фералис? Поворачиваю голову на наш строй, ловлю взгляды: у Марты — настороженность, у Карины — панический испуг, у Агаты и Дарины — странное, болезненное любопытство. Лисунэ хмурится, будто пытается выудить из памяти давно забытое. Замешательство на лицах говорит яснее любых слов: никто не в курсе, кто эта дама.

«Что ж, посмотрим, что это за птица, — думаю я, стискивая зубы».

Из темноты, со стороны трона, появляется фигура — и зал замолкает. Купа Фералис идёт медленно, размеренно. На ней нет пышных нарядов, нет кричащих украшений: только длинное платье из темной ткани, похожей на бархат.

Она останавливается перед нами. На вид ей около тридцати пяти: ухоженная, с копной рыжих волнистых волос. Пронзительные зеленые глаза смотрят не на лица, а сквозь них — прямо в те уголки души, где прячутся самые неудобные тайны.

Черты лица словно высечены мастером: ровные, четкие, идеальные — но не хрупкой, фарфоровой красотой, а той, что появляется от силы и привычки держать удар. В них нет мягкости, зато есть сталь. Взгляд спокойный, но от него веет такой уверенностью и расчетливостью, что становится не по себе: будто она уже расписала твою судьбу по пунктам и теперь просто ждет, когда ты сама дойдешь до нужной строчки.

— Вы все здесь не по случайности, — голос у Купы не громкий, но проникает в каждый нерв. — Вас выбрали за умение выживать. Вас выбрали за то, что в вас есть нечто, что может пригодиться.

Я чувствую, как Лисунэ вздрагивает рядом. Купа чуть наклоняет голову, будто прислушивается к этому нашему безмолвному диалогу.

— Страх, — продолжает она. — Страх — это тоже ресурс. Он питает нас.

«Да уж, питает, — мелькает в голове. — Сейчас во мне возникло желание либо сжаться до размеров мыши, либо сбежать, только бы не чувствовать на себе этот испепеляющий взгляд». Не могу понять, что за сущность эта Купа. Ведьма? Демон? А может, оборотень? Ну, оборотня я бы узнала сразу... наверное. Или нет? Дерьмо! Браслет мешает колоссально.

Купа Фералис наконец переводит внимание на других, плавно скользит вдоль нашего строя — и я выдыхаю.

Софиты играют на бархатистой ткани ее платья, локоны переливаются медным блеском, будто в них спрятаны тонкие нити огня. Почему все в белом, а эта бестия в чёрном? На нее правила не действуют? И, мать её, кто она такая?!

Купа перебивает мой kaleidoscope мыслей:

— Буду краткой. Ходят слухи, что победительница удостоится звания *супруги* Люциана Блэквуда. Но давайте мыслить трезво.

Она останавливается в метре от нас, обводит взглядом каждую, задерживаясь на долю секунды, будто взвешивая, оценивая, раскладывая по полочкам наши недостатки.

— Посмотрите на себя со стороны... Если мягко, то я даже симпатичными вас назвать не могу.

Лилит мычит, выпучивает глаза, брови сходятся к переносице. Я же не реагирую на слова заносчивой суки. Я в себе уверена. Мать-природа на мне не отдыхала, в отличие от большинства моих соперниц. Там, как говорится, на любителя... Но если по словам Купы мы все недостойны, то что тогда? Нас сейчас утилизируют? А Блэквуд почему в маске? Тоже красотой не блещет?

Проглатываю колючий тревожный ком, который царапает горло, как осколок стекла. Стерва продолжает:

— Господин Люциан Блэквуд ценит эстетику, поэтому, девушки, не питайте пустых надежд. Но! — она вздергивает указательный палец с длинным красным ногтем, и в этом жесте столько театральности, что хочется скривиться. — Победителю достанется место в подчинённых. Думаю, неплохой вариант, не так ли?

Дружно киваем, как игрушечные собачки на торпедо автомобиля. Я готова даже прислуживать, как лярва, только бы не возвращаться в мир запретов. Для меня это равносильно тюрьме. Зверь в цепях и за решеткой — это не жизнь. Право зверя — вот что мне нужно. Право зверя на свободную жизнь.

— В любом случае тут лучше, нежели в мире людей. Тут мы *живём свою жизнь*, — Купа делает паузу, а потом зал взрывается аплодисментами.

Решаю не выделяться и хлопаю в ладоши вместе со всеми. Купа благодарно кивает залу, и тот затихает, повинувшись ее жесту.

— Чем интереснее вы будете играть, тем больший приз вас будет ожидать на пьедестале. И, конечно же, в процессе игры завоевывайте любовь публики и получайте бонусы. Любой бонус может помочь вам дойти до финала.

Я замечаю, как Ратибор чуть наклоняется к Блэквуду и что-то говорит, а тот едва заметно кивает.

Мысленно ору: «Ну же, давай, сними маску!» Но, естественно, этого не происходит. Дара телекинеза, к сожалению, у меня нет.

Коренастый черт подбегает к Купе, шепчет что-то на ухо. На её лице едва вздрагивает бровь. Чёрт тут же разворачивается и уносится в темноту.

— Дамы, — Купа высокомерно задирает подбородок. — Мистер Блэквуд хочет зрелищ. Как и его гости.

Зал нечисти начинает гудеть, как улей, в который сунули палку: голоса сливаются в низкий, вибрирующий гул, от которого зубы сводит.

— Сейчас вы отправитесь на ристалище и покажете эффектную игру. И одна из вас получит *бонус* для следующего уровня. И так же одна из вас получит *смерть*.

Зашибись. Не успели пройти одну казнь, как уродам вновь захотелось насладиться страданиями. С таким темпом утоления их эмоционального голода можно выдохнуться и сдохнуть, не дойдя до финала.

— Правила просты: играем до первой смерти. Та, кто прикончит соперницу, получает приз. Остальные детали вам расскажет Ратибор на ристалище. Не буду желать вам удачи. Удача — это для слабаков. Я лучше сделаю вам презент.

Купа улыбается с хищным удовольствием. Она щелкает пальцами.

Я зависаю на несколько секунд, уставившись на её лицо. Черты кажутся знакомыми. Где могла её видеть? Нет, видимо, ошиблась. Я бы запомнила её. Такую невозможно не запомнить: эти зелёные глаза, этот ледяной взгляд, эту стальную уверенность.

Лисунэ отшатывается назад и хватает меня за предплечье — её холодные пальцы впиваются в кожу. Жёлтые глаза неотрывно смотрят вперёд, туда, где всё уже пошло не так.

На оккультном столе лежит Карина. Красные мерцающие нити затягиваются на запястьях, ногах и шее. Они пульсируют, сжимаются, как живой организм. Чем больше она дёргается, тем сильнее они впиваются в кожу. На коже выступают капли крови, собираются в тонкие

струйки, стекают вниз. Лицо багровое, глаза на выкате, полные ужаса. Рот открыт в беззвучном крике.

— Люди — неотъемлемые участники наших игр, — Купа произносит это размеренно. — Мы спасаем их души, они спасают наши тела. Дают пищу, энергию и силу. Вот такая жизненная цепочка.

Мне даже жаль Карину. Вот так лежишь на алтаре, в полном осознании того, что сейчас умрешь, и ничего не можешь сделать... Но ведь она сама хотела уйти из жизни. Значит, сама виновата. Ей помогли не стать грешницей и не переродиться в лярву. Горела бы в адовом котле либо сосала энергию из какого-нибудь пьянчуги. А теперь убиенная душа очистится и найдёт себе новое пристанище в другой оболочке. Ну или останется в райском месте. Тут уже как повезёт.

Лярва режет ткань платья Карины, обнажая грудь, и делает это так, будто снимает обертку с подарка. В зале раздаётся довольный гул. Зрители уже предвкушают главное блюдо.

— Сейчас вы получите благословение, своего рода причастие, — Купа кончиком языка облизывает губу. — И с новыми силами отправитесь в бой. Пусть победит сильнейшая.

Широкая фигура нависает над Кариной. Белый плащ с капюшоном, в котором я вижу идеальную черную бороду. Аким? Он поднимает взгляд на Купу, серая радужка сверкает в софитах. Да, точно он.

— Помоги ей, — кивает Купа Фералис.

Серебряный клинок ловит свет, отражает его, дробится на тысячи острых бликов — и с хрустом погружается в грудь Карины. Тело вздрагивает в судорогах, пока Аким со знанием дела вскрывает грудину — чётко, без лишней суеты, как будто выполняет привычную работу.

Кошусь на соперниц: все стойко выдерживают сие представление. Слабаков нет. Все привыкшие к крови и смерти. Марта стоит ровно, будто ничего не происходит. Агата чуть сжимает кулаки, но не отводит взгляда. Дарина стискивает зубы так, что на скулах проступают жилы. Лилит наблюдает с интересом.

Кипенно-белый плащ Акима покрывается алыми пятнами. Они расползаются по ткани, как живые. Гости стягиваются к сцене. Их тянет к источнику силы.

Вот вампир шевелит языком, с трудом сдерживает себя, чтобы не вскочить на сцену и не впиться в свежий труп. Его пальцы подрагивают, глаза горят, и в этом взгляде столько голода, что мне становится не по себе. Мелкий демон осторожно тянет руку, худые пальцы подхватывают капли крови с пола. Он с таким наслаждением обсасывает их, будто сейчас кончит.

Аким достает сердце. Гости ликут — их крики сливаются в единый вой, от которого вибрируют стены и звенит в ушах. Я втягиваю металлический запах и, что греха таить, чувствую голод — безудержную тягу, такую, что перед глазами темнеет. Желание заполучить хоть каплю живительной влаги под названием «кровь человека» скручивает внутренности узлом. Когда в последний раз она во мне была? Уже и не припомню. Мне приходилось довольствоваться коровами да лесными жителями. А так хотелось удовлетворить инстинкты и сожрать какого-нибудь велосипедиста, к примеру.

Аким выжимает в золотой кубок кровь из сердца. Неотрывно слежу за ритуалом, за каждой каплей. Лярва протягивает ему поднос, он кладёт на него сердце — и его уносят. Скорее всего, главная вишенка достаётся Блэкуду. Сукин сын. Пусть подавится.

Аким подходит к нашему строю, начинает с моего края. Расширенные зрачки серых глаз цепко смотрят мне в душу, будто он видит, как внутри меня всё дрожит и рвётся наружу.

— Прими этот дар, — протягивает мне кубок, — сделай два глотка, прими благословение Люциана Блэкуда, и пусть тьма будет на твоей стороне.

Дрожащими руками беру кубок. Запах крови туманит разум, бьет по нервам, по звериной части меня, которую браслет должен держать в узде. Волк внутри не верит своему счастью —

скулит, толкается, требует скорее пригубить напиток, разорвать, выпить до дна, до последней капли. Браслет дает слабину.

Делаю первый глоток — и сейчас я ничем не лучше того чёрта, что обсасывал капли с пола. Глаза закатываются, мычание вибрирует в горле, в животе бабочки хлопают крыльями. Это чистая, дикая энергия, которая рвёт жилы. Делаю второй глоток — и волна эйфории лишает контроля. Мне хочется ещё. Ещё и ещё. Хочется не просто пить, а вцепиться зубами в шею Карины, почувствовать, как клыки входят в плоть, как кровь вытекает в рот, теплая и густая. Мне хочется забрать чью-то жизнь.

Аким с силой вырывает бокал из моих рук. Я рычу — не человеческим голосом, а звериным, низким, утробным, и пытаюсь забрать свою прелесть обратно.

Огромные руки обхватывают меня сзади, унося прочь. Брыкаюсь, находясь не в себе: мне нужно туда, туда, где кровь, где мясо, где смерть, где удовольствие. Но запах древесной смолы оседает на языке, въедается в ноздри, приводит в чувства.

Ратибор, матерясь сквозь зубы, несёт меня прочь из зала. Его хватка железная — не вырваться.

— Еще раз дернешься — усыплю, — рычит он.

Из зала доносится звонкий возглас Купы:

— Уважаемые гости, можете приступить — она ваша!

Машинально облизываюсь, представляя, как все накинудись на тело Карины. Как их клыки рвут тёплую плоть, как кровь брызжет на белые одежды, как они давятся от жадности и восторга. В груди что-то дергается, тянет туда, в этот хаос, в эту кровавую вакханалию.

— Очнись! — тяжёлая ладонь прилетает по щеке так, что звездочки мелькают перед глазами.

Разум вмиг возвращается ко мне, словно меня окунули в ледяную воду. Тру горящую от боли щеку, смотрю на Ратибора исподлобья.

— Спасибо, — хмуро благодарю лешего.

— Всегда пожалуйста, — бурчит он. — Пойдём.

Скидываю туфли и босыми ногами иду за Ратибором.

Глава 7

Браслеты с лодыжек сняли — это плюс. Но искренне жаль, что нам вернули голос. Гвалт нашего «сброда» мешает сосредоточиться, бьёт по нервам, как скрежет металла по стеклу.

Мои соперницы, как и я, на взводе после «благословения» Блэквуда. Кровь Карины распатала всем нервную систему и на время вывела из равновесия.

Дарина вновь ушла в себя и, видимо, вернётся не скоро. На подбородке — засохшая кровь, как запекающаяся смола. Глаза пустые, смотрят сквозь пространство, будто она уже не здесь, а где-то за гранью, где нет ни арены, ни зрителей. Губы беспрерывно повторяют одну и ту же фразу, как заведенная кукла:

— Мы все умрём... мы все умрём...

Лилит, и без того не отличавшаяся спокойствием, сейчас стала ещё дёрганнее. Глаза рыскают по нам, выцеживают слабые места, прикидывает, куда лучше вцепиться. Кажется, что её крылья и рога немного подросли. И это от пары глотков крови. Способный суккуб, сильный противник. Нужно как можно раньше её ликвидировать, пока она не набрала ещё больше силы.

— Дрянина, заткнись ты уже! — Лилит хватается медиума за плечо. — Или я откушу тебе язык!

— Дарина... — не моргая, медиум смотрит на — суккуба. — Я Дарина от слова «дар».

— Ты Дрянина от слова «дрянь», — стискивает зубы Лилит, но всё же отпускает медиума.

Думаю, Дарина станет следующей жертвой. Как может противостоять медиум нам? У неё ни когтей, ни клыков, ни магических способностей, которыми можно ударить. Что она может? Видеть мертвецов? Или призвать их на помощь? Духи вряд ли могут нам противостоять — не в этом мире, где сила измеряется весом удара и жаждой крови.

А вот троица из Марты, Агаты и Селены меня настораживает. Они скучковались и активно перешептываются. Лилит тоже присоединилась к ним. Мерзавки что-то замышляют. Неужто решили выбрать целью кого-то из нас?

Думаю, пока я не вхожу в их план. Слишком свежа моя расправа с вампиром, а Инга была сильным противником — её смерть до сих пор звенит в их разговорах. Скорее всего, выберут Дарину или Лисунэ.

Лисунэ переводит взгляд с шепчущихся на меня. Мы встречаемся глазами. Она кивком указывает на заговорщиц, будто спрашивает: «Ты видишь? Что будем делать?»

Пожимаю плечом: мол, я не в курсе, что происходит. Не строю планов, не собираю союзы.

Лисунэ отталкивается от дерева, на которое облакачивалась спиной, и не спеша идёт к склочницам.

Марта первой поднимает голову. Агата чуть отодвигается, освобождая место.

— Чего надо? — бросает Марта.

— Хочу к вам, — отвечает Лисунэ спокойно. — Если вы решили, кого сегодня порвете, я с вами.

Селена усмехается, обнажая острые зубы:

— А если мы выбрали тебя?

— Выберем другую жертву, — пожимает плечами Лисунэ.

В этот момент Дарина снова тихо, без интонации, повторяет:

— Мы все умрём...

— Ой, бя... — отворачиваюсь от них, не хочу слушать этот скулеж.

Вместо этого рассматриваю ристалище. Вижу его не как арену, а как сцену, выстроенную для спектакля, где финал известен заранее.

Небо — это купол, его выдаёт мелкая рябь, будто в воде плещется рыба. Искусственная небесная лазурь, в которой светит солнце и пролетают птицы. Лучи падают на деревья: они

полукругом окружают круглую песчаную арену, стоят плотной стеной, словно пытаются удержать то, что сейчас вырвется наружу.

Посередине — стол. Рэйдан раскладывает на нем оружие: клинки, мечи, арбалеты, увесистый топор с потемневшим лезвием и пару крупнокалиберных пистолетов. Он двигает их с ритуальной точностью, будто расставляет фигуры на доске.

Перед открытым пространством возвышаются балконы, украшенные резными панно с золотой вышивкой. На них изображены воины в разных ипостасях: оборотни, вампиры, рогатые демоны, рвущие друг друга, и множество других существ, которых я не знаю, но от одного взгляда на них по коже пробегает холод. Вышивка выполнена филигранно: каждая чешуйка, каждый клык, каждая капля крови выведена с такой тщательностью, что кажется картины шевелятся, если смотреть чуть дольше.

Картины завораживают, восхищают, вызывают чувство уважения к мастеру, столько чётко передавшему атмосферу бойни и смерти. Но это не восхищение красотой. Это уважение к тому, кто смог так точно запечатлеть ужас — и сделать из него искусство.

Зрители занимают свои места, галдят, двигают деревянные стулья — скрип режет слух, будто точат ножи прямо у меня над ухом.

Одноглазое Лихо задралось с долговязым чёртом, не поделив место. Огромный лохматый мужик в два счёта отрывает швыряющемуся на него двурогому голову. Башка летит в гущу деревьев, — Лихо отталкивает обезглавленное тело и как ни в чём не бывало усаживается на облюбованный стул. Никто из гостей даже глазом не ведет, для них это не убийство, а просто неловкость, вроде пролитого вина.

Над зрительскими балконами возвышается самый главный. Там уже восседает местный злыдень Люциан Блэквуд — в той же расслабленной позе, в том же кипенно-белом костюме и в той же маске. Единственное, что выдаёт в нём жизнь, — монотонно постукивающий по подлокотнику указательный палец. Ритм ровный, спокойный.

Купа сидит по правую руку от него, крутит в пальцах ножку бокала, жидкость колыхается в такт движениям. Ядовитые глаза проходятся по мне, на пару секунд задерживаются — и мы держим контакт. Кулаки сжимаются сами собой, вулкан злости начинает бурлить внутри, пары ярости поднимаются к горлу. Желание драться душит. Кто эта рыжая сука Блэквуду? Наложница? Сестра? Или, может, он недееспособный, и она его сиделка? Почему он в маске и молчит? Что прячется под ней — уродство, пустота или нечто такое, от чего даже эти твари шарахаются?

Ратибор проходит на своё место по левую руку от Люциана, разрывает своим туловищем наш зрительный контакт.

Мысленно встряхиваю головой, сбрасываю напряжение и избавляюсь от вопросов, которые в данный момент не имеют ценности. Сейчас не время разгадывать тайны Блэквуда и самоуверенной Фералис. Сейчас нужно выжить. Нужно вырвать себе бонус. Отнять чью-то жизнь и выгрызть место в следующем турнире.

— На арену! — выкрикивает Рэйдан призывая нас пройти в центр.

Он облачен в костюм из плотной темной ткани, она держит форму, как броня. Костюм выгодно подчёркивает спортивное телосложение: ни грамма лишнего, только то, что нужно для силы и скорости. Но нет времени любоваться.

Новоиспеченные «подруги» обгоняют меня, будто бояться, что место в первом ряду что-то меняет. Марта толкает плечом — не сильно, но достаточно, чтобы обозначить свои намерения. Делаю вид, что не придавала этому значения, но галочку в списке «следующая на выбывание» ставлю.

Лилит первая занимает место возле стола с оружием — хватает короткий клинок, тут же пробует баланс, крутит в пальцах. В её движениях столько суеты, что сразу ясно: она боится.

Не спеша двигаюсь в хвосте. Снимаю платье — и балконы заливаются улюлюканьем, свистом, грубыми выкриками. Видят меня в одних стрингах, и для них это зрелище. Пусть смотрят. Пусть давятся своим восторгом.

Чувством стыда меня не напугать.

Стягиваю и стринги. Не хочу, чтобы что-либо сковывало движения. Вдруг при обращении трусы не порвутся... Зверю будет мешать драться верёвка в заднице.

Кто-то из гостей хохочет так, что, кажется, у него ребра треснут. Кто-то шипит, будто я нарушила их тайный этикет. А мне плевать. Пусть смотрят на голую меня.

— Смело, — подмигивает мне Лисунэ и снимает платье. Она ведь тоже будет обращаться, хоть и в мелкую человеко-лисицу, но всё же. В её случае размер не главное — главное, что зубы у неё острые, а скорость такая, что глазом не уследишь.

— Тихо! — Ратибор поднимается со стула, не церемонясь, затыкая толпу одним только взглядом. — Играем до первой смерти. Кто убьёт — тому приз. Ну а проигравшей туда и дорога. Использовать можете всё, что придёт в ваши дурные головы.

Лесной дух не в духе. Какой-то дятел продолбил толстокорый панцирь? Ночью он был более лоялен к нашей компании.

— Вижу, вопросов у вас нет. Начали! — отрапортовал он.

Возня возле стола, звон металла, мат и шипение. Одна ругается, другая рычит, кто-то шепчет молитву, но её тут же топит чужой крик.

Я призываю зверя. Тело молниеносно ломается, перестраивается, наливается звериной силой. Запахи обрушиваются лавиной: кровь, пот, страх, старая пыль, раскаленный металл, гниль из дальних углов — всё это бьёт по ноздрям, как апперкот. Звуки глушат, отсекаю всё ненужное: фильтрую, вычлениваю главное, отбрасываю мусор.

Ищу глазами цель. Лисунэ? Она скалится на меня длинной рыжей мордой, делает поворот головы, прижимается к земле — языком тела даёт понять, что не претендует на меня, сдаётся и подчиняется. В её глазах не злоба, а просьба: «Не трогай. Я не враг».

Дарина? Стук её сердца отдаётся в перепонках, как барабан в пустой комнате — четкий, истеричный. Худые руки берут тяжёлый пистолет, пальцы дрожат, но хватка крепкая.

Но зверь не хочет слабого противника. Он не хочет того, кто ляжет от одного удара. Он хочет борьбы, полноценной драки, хочет показать себя, потешить своё эго, произвести впечатление на толпу.

Агата. Ведьма поворачивается ко мне, губы бормочут заклинание, ладони формируют шар — он светится неровно, трещит по швам, как перегретый фонарь.

Хочу её. Вытряхнуть душу. Порвать. Сожрать. Зверь требует движения, требует крови.

Прыжок — и Агата пуляет в меня шар. Уворачиваюсь в сторону, но он всё равно опалает бок. Падаю, стряхиваю с шерсти магическое пламя. Оно сожгло клочок шерсти и обожгло кожу — боль есть, но сейчас она ощущается как от укуса пчелы: неприятно, но не смертельно. Вскидываю, красная пелена ярости падает на глаза, смывая — стратегию, осторожность, даже мысль о том, что нужно взвешивать ходы.

В груди всё вибрирует, рык рвётся из пасти, срываясь в хриплый вой. Срываюсь с места, фиксирую глаза Агаты — застывшие, расширенные от ужаса, будто она только сейчас поняла, во что ввязалась. Прыжок. Удар в плечо — и меня разворачивает в воздухе, как тряпичную куклу. Приземляюсь на четыре конечности, боль разрывает плечо: сквозное отверстие, пуля раздробила плечевой сустав. Кровь струйкой течёт по шерсти, капает на песок, впитывается в него, оставляя алые пятна.

Дарина, дрожа всем телом, держит меня на мушке. Из ствола поднимается едва уловимое облачко дыма. Дрянь! Как она посмела рыпнуться на меня?! Убью!

— Нападаем вместе! — злобно визжит Лилит, голос срывается на фальцет.

Она вскидывает арбалет. Марта размахивает двумя клинками, лезвия ловят свет и режут воздух с тонким свистом. Агата неуверенно держит тяжелый меч в руках. Дарина облизывает пересохшие губы, руки дрожат так, что ещё немного — и крупнокалиберка выпадет из них. Селена, улыбаясь во весь рот, вяжет путы из магических зелёных нитей — они сплетаются в воздухе, шурша, как сухая трава под ветром. Лисунэ крутит в тонких когтистых пальцах острый, как тонкое лезвие, нож. Рыжие уши прижаты к голове, жёлтые глаза смотрят извиняюще, но в этом взгляде нет раскаяния — только холодный расчёт. Лиса, что с неё взять: нельзя верить ни единому её слову. Где ей выгоднее, к тому она и примкнет. Сегодня ей выпал вариант сохранить себе жизнь, объединившись против меня.

А я — самоуверенная дура. Облажалась, потеряла бдительность. Если бы сразу поняла, что заговор против меня, действовала бы по-другому. Гиены собрались в стаю. А стаей, как известно, можно загасить даже льва. Но я не лев. Я волк. Я оборотень — древнее существо, рожденное самой тьмой, награжденное силой, мощью, бесстрашием и сверх-регенерацией. Вот последнее сейчас меня и подводит. Плечо очень медленно срастается — даже в человеческом обличье травмы заживают быстрее. Что-то не так. Магия арены? Или кровь Карины внутри меня работает не как сила, а как яд?

Но думать некогда. Нужно действовать, пока меня не превратили в решето эти плешивые шакалы.

Делаю обманный выпад в сторону Лилит, пригибаюсь — и стрела со свистом пролетает мимо уха, едва не срезая шерсть. Плечо горит, будто в него воткнули факел и провернули: раздробленная кость хоть и начала срастаться, но даёт только иллюзию опоры — каждый рывок отзывается в теле острой, ломающей волной.

Бросок — и я вгрызаюсь Марте в толстую руку, чувствую, как клыки впиваются в плотную, жирную плоть. Рывок головой — и конечность водяной падает в песок, голубая густая кровь брызжет, как из прорвавшейся плотины. Она орёт до хрипа, голос срывается на визг, и этот звук только подстегивает меня.

Выпад, раскрываю пасть, чтобы сомкнуть клыки на её глотке, — но позади кто-то пронесется, воздух едва успевает шевельнуться, и тут боль, как от разряда тока, прошибает ноги. Падаю, как подкошенная, колени втыкаются в песок. Хочу тут же встать, но ноги не слушаются, будто из них вынули кости. Кровь под ними собирается в алые лужи, впитывается в песок, делает его липким.

«Сука! Мне перерезали сухожилия!» — эта мысль бьёт в висок, как молот.

Лисунэ пожимает плечами, сжимает окровавленный нож, выглядывает из-за орущей Марты, и в её жёлтых глазах мелькает что-то, похожее на извинение.

— Убью! — сотрясает воздух мой рык, полный ярости и боли.

Не работают ноги? Значит, буду ползти! Но не сдамся. Никогда!

Кости в плече, кажется, практически вернулись в первоначальное состояние. Быстро перебираю передними конечностями, тяну за собой задние, как русалка тянет хвост по сухому берегу. Сокращаю расстояние до ближайшей ко мне Дарины. Она направляет на меня дуло, оно дергается, как в эпилептическом приступе.

Успеваю подсесть её ноги — и в тот же миг меня неведомой силой отбрасывает к дереву. Припечатывает спиной, ломает пару рёбер, выбивает воздух из лёгких так, что мир на секунду меркнет. Перед глазами плывёт, всё в красных разводах, будто я смотрю сквозь кровавую плёнку. Ловлю на себе размытый взгляд Купы: она смотрит с презрением и отвращением, будто я — не боец, а просто барахтающаяся в луже грязи крыса.

На её пальцах рябь, следы от магической энергии. Эта сука только что меня о дерево шмякнула? Какого чёрта она вмешивается?! Моё возмущение пресекается путами от Селены — она торжествующе швыряет их в меня. Зелёная энергия в виде веревок сжимает шею, при-

жимает голову к шершавой коре, режет шкуру, впивается в мышцы, как живые лезвия. Руки выворачиваются назад, ломаются по суставам, заставляя меня заскулить от боли.

— О, как душещипательно... Пёсику больно, — Лилит корчит рожу, целится в меня.

— Потерпи, сейчас твои страдания закончатся, — Агата начинает формировать серебристые молнии в ладонях, они потрескивают, искрят, жадно тянутся к моей коже.

Рычу, скалюсь, дёргаюсь в попытках освободиться. Путы рвут кожу, мышцы, кости хрустят с каждым рывком, но я не останавливаюсь. Силы покидают меня, вытекают вместе с кровью, с каждым вздохом, с каждой искрой боли.

Тут что-то не так. Со мной что-то не так. Я бы справилась и с путами, и с этим отребьем. Даже с переломанными ногами я бы нашла способ добраться до горла хотя бы одной из них.

Зверь всегда находил выход. Всегда.

Вспышка воспоминаний: бокал от лярвы, запах пряностей, первый глоток, эйфория, которая накрыла, как тёплая волна.

«Блять! Блять! Блять!» — мысль бьется в голове, как загнанная птица. — «Идиотка! Меня опоили какой-то дрянью!».

Стрела пронзает грудину, входит в легкое. Сначала — острая, слепящая боль, потом ощущение, будто из тебя высасывают воздух и тут же погружают под воду. Делаю вдох — из отверстия пузыряется розовая пена. Чувствую в пасти металлический вкус крови: тёплая жидкость наполняет её и стекает по брылям, тяжелыми каплями падает на песок.

Злость на себя рвёт меня на части. Представляю, как жалко и убого я сейчас выгляжу: изломанная, истекающая кровью, с глазами, полными ярости и бессилия. Зрители затихли в ожидании кульминации, будто боятся спугнуть этот миг, когда жизнь вот-вот выскользнет из моего тела.

Агата готовится нанести удар.

— Подожди, у меня ответочка, — Марта останавливает её, из культи, туго обмотанной тряпкой, продолжает сочиться кровь.

Водяная поднимает меч, заносит его, улыбается во весь рот. Сейчас она похожа на толстую мерзкую жабу: от прежней миловидности не осталось и следа, только жестокость и торжество в глазах.

Лезвие падает мне на ногу — влажный хруст, и моя ступня тихо падает в песок. Разряд боли пробегает по нейронам, до скрипа стискиваю пасть, от безвыходности клацаю зубами, кусаю воздух.

Дарина кружится вокруг себя, нараспев произносит:

— Мы все умрём! Мы все умрём!

Потом резко останавливается и стреляет в меня. Пуля попадает в то же плечо, ломает сустав, дробит ключицу. Не могу сдержать стон: он сам, вместе со скулежом, выходит из глотки. Ещё немного — и сознание меня покинет. Какой-то яд забирает силы, не дает восстановиться и думать. Я как в дурмане, в оморочке, не в себе.

Агата переступает с ноги на ногу, молнии в её ладонях искрят, потрескивают, готовятся нанести удар. И я чувую: он будет последним. Именно он и заберёт мою душу, мою жизнь. Вот к чему приводит излишняя самоуверенность, безответственность, доверие и безалаберность. Идиотка. Сама себя положила гиенам на шведский стол. Вот и получай по заслугам.

Лилит пинает песок возле меня — он попадает в глаза, скребёт по слизистой, и от этого мелкого, издевательского жеста ярость становится еще острее. Им нравится издеваться над сильным, почувствовать свое превосходство, зная, что мне не вырваться. Ублюдины.

Через боль заставляю себя смотреть в глаза своему палачу. Агата с раздувшимся эго задирает подбородок, по бокам стоят ее сообщницы, с чувством выполненного долга ухмыляются, победно смотрят на меня. Представляю, сколько веков они будут рассказывать о своём подвиге: как им удалось повергнуть оборотня. Чтоб их черти драли в анус горячей кочергой!

— Пока, блохастая! — выплёвывает ведьма, замахиваясь молнией.

Тёмное лезвие топора ловит свет искусственного солнца. Позвонки хрустят, как сухари. Голова Агаты падает, катится ко мне по песку, оставляя за собой дорожку крови. Тело еще несколько секунд стоит, будто не поняло, что его уже нет; молния в замерших руках тухнет, рассыпается искрами. Ноги подгибаются, и ведьма падает навзничь.

Лисунэ держит топор, тяжело дышит. Она подмигивает мне.

— Вот ты, сука, хитрожолая, — Лилит топает ногой, лицо перекошено от досады. — Ты ведь обещала придерживаться договоренностей!

— Правда? А я вам разве не сказала, что у меня память плохая? — Лисунэ поднимает голову Агаты, кровь капает с обрубка шеи. — Склероз у меня...

Кровь. Мне нужна кровь. Она поможет вернуть себя.

Лисунэ протягивает голову ведьмы. Высовываю язык, тяну его вперед, почти касаясь...

Удар по морде — резкий, хлесткий, аж клыки клацнули, и в ушах зазвенело, будто в голове лопнула струна. Лисунэ отпрыгивает, озирается по сторонам: никого нет. Но я знаю, кто это сделал.

Ищу глазами рыжую голову на балконе. Зелёные глаза сверлят меня, прожигают насквозь, губы изогнуты в отвращении. Вот же сука! Какую дорогу я перешла Купе?!

Дротик безжалостно вонзается в шею.

Да что ж за день такой?! Когда из меня прекратят делать решето?!

Глаза закатываются, в ушах нарастает ультразвук, тело не поддается сигналам, словно провода перерезаны. Сознание тонет в черном киселе, густом и холодном, который затягивает всё глубже.

Трибуны рукоплещут, звук доносится как из-под толщи воды. Ратибор объявляет победительницу, голос его звучит за гранью сознания.

А я... я просто теряю связь с этим миром.

Глава 8

Пьянящий медный запах цепляется за ноздри, выдергивает меня из сна. Распахиваю веки — и первое, что я вижу, — металлическая миска, наполненная свежим мясом. Инстинкт не дает времени на раздумья. Вскидываю и начинаю жрать. Именно жрать — как голодная уличная собака, загнанная в угол и забывшая про страх. Куски залетают в глотку. Кровь растекается по языку, как божественный нектар, густой и терпкий, будоражащий каждую клетку.

Опустошаю миску, вылизываю всё до последней капли — и только сейчас понимаю, что я всё ещё в обличье зверя. В мышцах гудит первобытная сила, а разум едва пробивается сквозь звериную пелену.

Шорох в углу. Оборачиваюсь — там сидит Рэйдан. На маленьком деревянном столе трещит свеча, отбрасывая дрожащую тень на острые черты его лица. От железной кружки вверх поднимается пар, завиваясь тонкими спиралями. Рэй смотрит с прищуром, не отводя взгляда — в нём нет ни осуждения, ни страха, только холодная, выверенная внимательность.

Вспышка в мыслях: арена, нападение, унижение, боль, Ратибор объявляет победителя, Рэйдан направляет на меня трубку — дротик пробивает шкуру на шее, и темнота накрывает, как могильная плита.

Зачем он выстрелил в меня? Против меня и так все ополчились. Купа с чего-то точит на меня зуб. Теперь ещё и он. Гнев молниеносно поджигает фитиль внутри, толкая наказать обидчика.

Бросок вперёд — лязг металла. Меня дёргает назад, будто невидимая рука вцепилась в загривок. Металлический ошейник давит на горло, на запястьях и ногах — оковы, цепи тянутся к кирпичной стене, звеня тяжёлой, безжалостной музыкой. Рычу от бешеной ярости, наматываю звенья на кулаки, с силой рву на себя. Стена даёт трещину, пыль взмывает в воздух густым серым облаком, мелкие камни сыплются на бетонный пол.

— Ника, успокойся, всё хорошо, — Рэйдан поднимается, выставляет ладони вперёд.

— *Успокойся?! —* реву демоническим голосом, от которого Рэй отшатывается назад, упираясь спиной в чёрную решётку. — Меня, как псину, держат на цепи, а ты говоришь *успокойся?!*

Вновь дергаю цепь — она с треском вылетает, освобождая мою руку. Перехватываю другую цепь, рву, вырываю, освобождая вторую.

— Ника, я пришёл помочь, пожалуйста, — синие глаза умоляюще смотрят на меня.

Почему он не убегает? Не верит в то, что я могу его убить? Или в этом опять какой-то подвох: стоит мне освободиться — и на меня вновь посыплются пули, мечи, стрелы и магические удары?

Останавливаюсь. Тяжёлое дыхание отражается от стен, возвращается ко мне эхом, словно сама тьма успокаивающе шепчет: «Тише... тише...» Вокруг темно, только свечка даёт свет — крохотный, дрожащий огонёк, бессильный против этой каменной громады. Но сейчас я вижу всё: глазам оборотня не нужно освещение. Зрение обострилось до предела — каждая трещина в камне, каждый скол, каждый изгиб решетки проступает с пугающей четкостью.

За решёткой — длинный коридор. Там нет дверей, нет комнат, просто кишка тянется на много метров вперед, а затем сворачивает вправо, исчезая в чернильной тьме. Стены, потолок — всё каменистое, грубое, вырублено в подземелье или скале. В воздухе витает запах сырости, пыли, мужского пота, трав, ржавчины и еле уловимый, едва заметный запах серы.

— Я что, в плену? — медленно перевожу внимание на Рэя. В груди клокочет не только ярость, но и горькое, колющее недоумение.

— Нет, — коротко улыбается он, вытирая бисер пота со лба, и в этой улыбке столько натянутости, что она скорее похожа на гримасу. — Это для твоего блага.

— Моего... что?! Ты специально меня бесишь? — рык рвется из глотки, брыли поднимаются, обнажая клыки, острые, как осколки льда.

— Что мне сделать, чтобы ты... чтобы ты приняла человеческий облик?

— Снять с меня эту дрянь и на время заткнуться, — приближаюсь к нему на всю длину цепи.

— Я всё сделаю, — он кивает, осторожно протягивает руки к ошейнику.

Борюсь с желанием вцепиться ему в глотку. Не хочу давать дотрагиваться до себя — каждое чужое прикосновение это опасность. Но желание понять, где я, и желание выбраться отсюда преобладает над инстинктом.

Рэйдан даже не дышит, ритм сердца заметно ускорился. Карабин щёлкает, и ошейник падает на пол с глухим стуком. Он приседает, снимает оковы с ног — движения точные, будто он боится спровоцировать меня одним неверным жестом.

Пока он там возится, прикрываю глаза, ухожу в себя, медленно вдыхаю, выдыхаю, расслабляю мышцы — сначала челюсти, потом плечи, затем спускаюсь ниже, сантиметр за сантиметром смиряя напряжение. Зверь сопротивляется, ворчит, не желая уступать место, но всё же поддается, неохотно отступает в темный угол сознания. Холод мгновенно цепляется за кожу, впивается тысячей ледяных иголок.

Открываю глаза — Рэйдан передо мной. Он быстро скользит взглядом по моему голому телу, но тут же останавливает его на лице, будто боится увидеть в нём зверя, который вот-вот вернётся.

Меня начинает знобить; обхватываю плечи руками, зубы цокотят, выдавая дрожь, которую не скрыть.

Рэй снимает с себя белую рубашку — ткань чуть тёплая, пропитанная его теплом и запахом. Отдаёт мне, и нагретая его телом ткань ложится на гусиную кожу, как робкая попытка защититься от холода.

— Начинай. Хочу знать, какого чёрта я здесь делаю, — сажусь на стул, надеюсь хоть немного согреться возле слабенькой свечи. Пламя дрожит, отбрасывает на стены кривые, дерганные тени.

Только сейчас обращаю внимание на тело Рэя. Свет прыгает по мышцам, вычерчивая рельеф, над которым он явно долго работал. Но всё оно покрыто шрамами: одни — белесые, еле заметные, выцветшие от времени; другие — тёмные, почти фиолетовые, длинные и короткие. То ли от когтей, то ли от плетей, а может, и от того, и от другого. Мрачная карта боли украшает мужское тело.

— Ты чуть не погибла, — начинает Рэйдан.

— То, что я чуть не сдохла, я уже поняла. *Кто меня отравил? Ты?* — слежу за его реакцией, но ни один мускул не дрогнул.

— Какой смысл мне тебя травить? — хмурит брови, ведет плечом.

— Мне откуда знать. Это я у тебя хочу спросить, — горячий напиток привлекает моё внимание. — Что это?

— Выпей. Это доктор передал — лекарство.

— Такое же *лекарство*, каким угостила меня лярва? — беру кружку, нюхаю. Пахнет разнотравьем — горьковато,пряно, с едва уловимой кислинкой сушёных ягод.

Откуда-то сбоку раздается отчаянный крик:

— Я не знаю! Пожалуйста, хватит! Не знаю я, откуда яд... А-а-а... Пож... — лярва визжит, как поросенок, которого режут, — пронзительно, до звона в ушах.

Рэйдан кивает в сторону крика:

— Аким как раз занимается этим вопросом. Господин Блэквуд приказал найти того, кто это сделал.

— С чего вдруг такая забота? — делаю глоток горячей жидкости. Она разливается по горлу, принося тепло и расслабление, но вместе с ним приходит и странная, вязкая усталость. Тело наконец-то осознало, сколько всего выдержало.

— Это не забота. Зрители хотят видеть тебя в игре. Им нужно зрелище, бойня. Некоторые сразу заподозрили неладное и выдвинули претензии о нечестности игрищ.

— Да уж... Тут же всё так честно и законно, аж тошнит, — усмехаюсь я.

— Ну... Мы всё-таки не в райском саду, — улыбается Рэйдан; мелкие морщинки собираются в уголках глаз.

— Кто ты, Рэй? Я никак не могу понять: ты вроде человек, а вроде нет. Назови себя.

Он подходит к решётке, отмыкает замок. Тот гремит в пространстве, эхо отскакивает от стен, множа звук.

— Ты же умная — догадайся, — говорит, не оборачиваясь.

— Тут не всё так просто. Что за тайна?

— Расскажу как-нибудь в другой раз, — вновь улыбается, пытаясь спрятаться за этой улыбкой, как за ширмой. — Допила?

Заглядываю в опустевшую кружку.

— Ага. Потом, так потом.

— Тогда пойдём отсюда. Стремно тут и холодно.

Поднимаюсь, подхожу к нему, провожу пальцем по выпуклому шраму на спине. Мурашки пробегают по его коже, и он едва заметно вздрагивает. Поворачивает голову впол-оборота. Синие глаза смотрят из-под ресниц — внимательно, настороженно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.